



Ната Лакомка



ВАСИЛИСА ОПАСНАЯ

Зеркальная маска джанары

Ната Лакомка
Василиса Опасная.
Зеркальная маска джанары

doc предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67637204

Ната Лакомка Василиса Опасная. Зеркальная маска джанары:

Аннотация

Мы с сестрой – очень разные. Она – признанная красавица, лучшая ученица элитной школы, гордость родителей. А я... а я – ходячая бомба, позор семьи, рассадник проблем. Короче, я – Василиса Опасная. Для друзей просто Васька. Кто с десяти лет состоит на учете в отделе по делам несовершеннолетних – тот я. Кто поджег «Лексус» Коша Невмертича – тот тоже я. Собственно, с этого всё и началось...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	29
Глава 3	42
Глава 4	57
Глава 5	78
Глава 6	89
Глава 7	101
Глава 8	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Ната Лакомка Василиса Опасная.

Зеркальная маска джанары

Пролог

«Лексус» был припаркован напротив администрации, передними колесами на газоне, прямо на белых мелких цветах, которые до поздней осени так сладко пахнут медом. Проходившие мимо стражи порядка делали вид, что ничего не замечают, а я стояла у поребрика, надвинув на лицо капюшон толстовки, сунув руки в карманы, и с неприязнью разглядывала новенький, вызывающе чистый автомобиль. С утра моросило, но машина была без единого пятнышка. Цвет был красивый – темно-серый, с искорками. Как будто асфальтированная дорога после дождя. Я вытянула шею, заглядывая в салон через лобовое стекло, потому что остальные стекла были затонированы, на что полицейские тоже предпочли не обратить внимания.

На панели валялся брелок в виде черепа, и почему-то именно это взбесило меня больше всего.

Мобильник завибрировал, я поправила наушники и басом сказала:

– На связи.

– У меня все готово, – так же басом объявила моя подруга Милана.

– Оки-оки, – я почувствовала знакомую дрожь во всем теле. – Готовность – три минуты!

Сейчас начнется!

Сбросив Милану, я набрала Вадима:

– Бантик, Милана готова. Через две минуты!

– Понял, – коротко бросил Вадим.

Я следила за пульсирующими цифрами на мобильнике, отсчитывая последние мгновения до начала «выходки». Три... две...

– Бро, закурить есть? – раздался сзади пьяный голос.

Я откинула капюшон и обернулась.

Стоявший передо мной парень лет двадцати пяти – тощий, с длинными сальными патлами и бородкой в три волоска, испуганно попятился. Но я его понимала, ему было, отчего испугаться – на мне была маска в виде черепа.

В ту же секунду на площади оглушительно зазвучала музыка. Миланка расстаралась! Наверняка, в кабинете мэра, на пятом этаже, зазвенели стекла!

Парень, просивший закурить, попятился, а потом помчался прочь со всех ног, потому что дворник, до этого подметавший брусчатку, тоже откинул капюшон и показал маску в виде черепа. И парочка, обнимавшаяся на лавочке... И девица на лабутенах...

Танец начал Влад, и сразу задал тон. Прохожие останавливались, доставали телефоны, чтобы заснять его. Я сама залюбовалась, как он легко двигался, и гнулся, как будто был вообще без костей!

Рядом с ним встали девица на лабутенах, и дворник, я рванулась вперед, делая стрекосат,¹ и встала четвертой. Мы двигались синхронно, и к нам подбегали все новые и новые танцоры в масках. Я узнавала их только по движениям – Лёлик опять сутулится, Машка загребаёт правой ногой, а Лилька крутит бедрами так, что охранник, выползший из администрации, смотрит на нее, открыв рот.

Подтянулся пеший патруль – полицейские косились подозрительно и переговаривались. Наверное, решали, не надо ли вмешаться. Конечно! Танцорчики – это тебе не «Лексус» на газоне! Тут можно и вспомнить, что ты в форме!

Окна в администрации начали открываться, и оттуда тоже выглядывали люди, снимали нас на телефоны, смеялись. И я мысленно посмеялась вместе с ними. Зрителей все прибавлялось, а нам только это и было нужно, потому что Ромасик уже рисовал на стене здания администрации череп с костями и надпись: «Руки прочь от Рощи!».

Роща была заповедным местом всех городских неформалов. Мы собирались там каждые выходные, отмечали дни рождения, даже свадьбы там справляли. Но господину мэру захотелось устроить в Роще страйкбольный клуб. В считан-

¹ Стрекосат – сальто назад через голову, без помощи рук

ные дни всё было огорожено и вход закрыт, но мы не собирались с этим мириться. Конечно, у нас не было влиятельных друзей, и денег тоже не было, но зато фантазия и энергия присутствовали с избытком.

Мы начали устраивать «выходки», чтобы обратить на себя внимание. После третьей о нас заговорили по местному телевидению, и народ, наконец-то, раскачался, требуя открыть доступ в рощу для всех, а не только для избранных.

Сегодняшнюю «выходку» мы решили организовать прямо перед администрацией, и постарались на славу.

Влад вошел в раж и отжег – вскочил на бордюр бассейна и заплясал на носках, скользя по мраморным плитам, словно его тянули в стороны на невидимой веревке. Я решила не отставать и вскочила сначала на бампер «Лексуса», а потом и на крышу, завертевшись волчком.

Толпа поддержала наглость одобрительными возгласами, телефонов и зевак прибавилось, а я почувствовала себя так, словно за плечами развернулись крылья. Я сделала сальто прямо на крыше «Лексуса», от души грохнув пятками.

– Эй! – запоздало заорал один из полицейских.

Все это только прибавило адреналинчика, и я затанцевала так, что Влад одобрительно свистнул в два пальца. Мне стало весело и жарко, и хмурый весенний день словно преобразился – пожалуй, я никогда еще не участвовала в «выходке» с таким удовольствием!

Из администрации выскочил мэр – красный, как рак. Он

размахивал руками и что-то орал полицейским. Следом за мэром вышел мужчина в черном деловом костюме – бледный, худощавый, с черными длинными волосами, уложенными, как у заправской модницы. Засунув руки в карманы брюк, он мрачно усмехался, наблюдая за нами, а потом увидел меня, и усмехаться сразу перестал.

– Васька! Вали! – заорал Влад.

Ромасик уже улепетывал во все лопатки, сделав свое грязное дело, а я съехала по лобовому стеклу, спрыгнула на брусчатку и помчалась следом за Владом, но не успела сделать и пяти шагов, как сзади прогремел взрыв.

Меня швырнуло в фонтан, я чудом не напоролась на металлический рожок, из которого била струя воды, ударились головой о мраморное основание – и провалилась в темноту.

Глава 1

– Что, Краснова, две недели до совершеннолетия не дотерпела? – выговаривала мне инспектор, так молотя пальцами по клавиатуре, что казалось чудом – почему не отлетели кнопки. – Я уже надеялась, никогда тебя не увижу!

– Ошибочка, Инна Олеговна, – сказала я лениво, пережевывая жвачку напоказ, потому что знала, что это больше всего бесит тетю-инспектора по делам несовершеннолетних. – Всегда надо быть готовым к сюрпризам судьбы.

– Ты хоть понимаешь, что могла погибнуть? – вмешалась другая тетя-инспектор.

Она разговаривала со мной не в пример добрее. Наверное, потому что я была не с ее участка.

– Так и вы могли, – ответила я равнодушно. – Хоть кто мог. Машины на улицах взрываются – куда только полиция смотрит.

– Бесплезно объяснять! – рявкнула Инна Олеговна. – Я с ней уже семь лет мучаюсь!

– Мы с вами уже как родные, – поддакнула я.

– Смотри, Краснова, – предостерегла она меня. – Если выяснится, что это ты машину подожгла – судимость будет. За поджог ответственность с шестнадцати лет.

– Да ни при чем я! Что вы ко мне прицепились? – возмутилась я. – Сто раз уже говорила, что трясите чела, чей «Лек-

сус»! У вас террористы автомобили на центральной площади паркуют, а вы к ребенку пристали!

– Через две недели ты уже не ребенок, – мстительно пообещала Инна Олеговна. – И я про тебя забуду, как про страшный сон. И сейчас забуду – сдам тебя матери, пусть она с тобой профбеседы проводит.

– Чего это мать приедет? – проворчала я. – А бабушка?

– Родители едут, – отрезала она. – Выдерут тебя – даже слова не скажу.

– Вооце-то, это непедагогично, Инна Олеговна, – заметила я. – Детей бить нельзя.

Таких, как ты... – начала она, но в это время дверь в кабинет открылась, и вошел мужчина.

Высокий, худощавый, горбоносый и бледный, с черными длинными волосами, уложенными волнами, как у модельной красотки. И сам он выглядел, словно модельная картинка – в костюме-тройке, с распахнутым пиджаком и совершенно пижонской жилеткой, из нагрудного кармашка которой торчал белоснежный платочек, а из другого свешивалась толстая золотая цепочка. От него так и пахнуло огромными деньгами и огромным снобизмом. Я узнала его – это он был рядом с мэром, когда мы устроили «выходку» возле администрации.

– Здравствуйте, – сказал мужчина и прищурился, разглядывая меня.

Глаза у него были серые, пронзительные, брови черные и прямые – не слишком приятное, хотя и красивое лицо. Кра-

сивое холодной, высокомерной красотой. Я невольно поежилась под этим взглядом и еще энергичнее задвигала челюстями. Рядом с таким типом мои толстовка и драные на коленях джинсы казались настоящим убожеством. А тип так и смотрел на меня – как на убожество. И мне сразу захотелось показать, что это я считаю его идиотом и недотепой.

Я громко фыркнула и развалилась на стуле, а потом надула и лопнула жвачный пузырь.

– Здравствуйте, Лидия Андреевна, – недовольно ответила инспектор. – Вот, полюбуйтесь на свое чудо. Отделалась только шишкой на лбу. В следующий раз может так не повезти.

Я вытаращила глаза на инспекторшу, а потом засмеялась шутке. Назвать мужика Лидией Андреевной – очень смешно!

– Ну вы жжете, Инна Олеговна, – сказала я, отсмеявшись.

– Забирайте вашу грубиянку, – она махнула рукой, даже не взглянув на меня, – и держите ее под замком две недели. Сделайте одолжение. Я и так все здоровье с вашей дочерью потеряла.

– Мне очень жаль, что Василиса снова доставила вам столько хлопот, – сказал мужчина в костюме. – Обещаю, такого больше не повторится.

– Вы это каждый месяц мне говорите, Лидия Андреевна, – проворчала инспектор.

– В этот раз – точно в последний, – сказал мужчина и про-

тянул руку ко мне. – Василиса, пойдём.

Я смотрела на этот цирк, позабыв жевать. Самое потрясающее, что вторая тетя-инспектор даже ухом не дернула.

– Василиса, пойдём, – повторил мужчина и нахмурился, уставившись на меня ещё пристальнее.

– А, вы меня разыгрываете, – догадалась я. – Всё-всё! Учла, зарубила на носу, виноват-исправляюсь, ждем бабулю.

Инна Олеговна оторвалась от компа и посмотрела на меня уже с раздражением:

– Краснова, марш домой! У меня от твоих выкрутасов...

– Простите за беспокойство, – мягко сказал мужчина, но взгляд у него был вовсе не мягкий. – Мы сейчас же уходим.

Я посмотрела в серые холодные глаза и снова поежилась. Что за дурацкий розыгрыш? Что происходит?

– Забирайте, Лидия Андреевна, и до свидания! – поторопила нас инспектор.

– Вы уже пугаете, Инна Олеговна, – сказала я, отказываясь что-либо понимать.

– Вы ее заберете, наконец? – потеряла терпение инспектор.

– Прошу прощения, – ответил мужчина, шагнул ко мне и крепко ухватил за ухо, поднимая со стула. – Идем же, Василиса, не спорь с мамой.

Я завизжала от боли, и когда мужчина поволок меня к выходу, поняла, что происходит что-то очень серьезное.

– Какая мама?! – заорала я. – Люди! Это мужик какой-то

незнакомый!

– Краснова, иди домой, – сказала Инна Олеговна устало.

– Меня похищают! Отвечать будете! – голосила я, пытаюсь вырваться из железных пальцев, сдавивших мое ухо.

– До свидания, Лидия Андреевна! – радостно попрощалась другая тетя. – Вася, тебе всего хорошего!

– И вам всего доброго, – любезно распрощался мужчина, выталкивая меня из кабинета.

– Пусти! – я хотела лягнуть его, но он сразу зажал мою голову сгибом локтя и поволок вон из отдела, не обращая внимания на мое сопротивление.

Он немного меня придушил – не сильно, но говорить я не могла, только хрипела, вцепившись в его руку.

На пропускном пункте строгий парнишка в форме спросил:

– Фамилия?

– Краснова, – вежливо подсказал мужчина, не выпуская меня.

– Помогите! – прохрипела я, за что получила тычок в ребра.

– Краснова... – полицейский, даже глазом не моргнув, нашел фамилию в списке, кивнул, и на турникете загорелась зеленая стрелка. – Проходите. До свидания.

Мужчина выволок меня из отдела и потащил к машине – «Лексусу», который стоял передними колесами на газоне. По виду, это был тот же самый автомобиль, который взорвал-

ся напротив мэрии. Даже брелок в виде черепа валялся на панели. Я из последних сил уперлась пятками, потому что мужчина уже распахнул дверцу, собираясь затолкать меня внутрь. Я попробовала его укусить, но не рассчитала и клацнула зубами по наручным часам.

– Часы сломаешь – голову отверну, – пообещал мужчина. – И еще мой сожженный «Лексус» припомню, – он схватил меня за шиворот и за пояс джинсов, с легкостью поднял и швырнул на заднее сиденье.

Я полетела в салон автомобиля «рыбкой» и врезалась во что-то мягкое – будто угодила головой в подушку. Кто-то крикнул, подушка заколыхалась, и меня опять схватили за шиворот, потому что я полезла из автомобиля задом.

Сбежать мне, конечно же, не дали. Дверца автомобиля за мной захлопнулась, меня приподняли и усадили, придавив для верности локтем в грудь. Рядом сидел человек, больше похожий на медведя, чем на человека. Головой он упирался в потолок, а живот у него был такой, что больше походил на напольный глобус в нашей школьной библиотеки. В этот «глобус» я и влетела, приняв его за подушку. Маленькие, слегка косящие глаза, посмотрели на меня сверху вниз, широкий рот раскрылся в улыбке, показав два ряда мелких зубов с крупными клыками, как у хищника.

– Какая дикая девица! – прогудел обладатель «глобуса» басом. – Ты только без глупостей. Я девиц бить не люблю, но иногда приходится.

– Я не девица, я ребенок, и вы меня похитили, – затараторила я, невольно втягивая голову в плечи. – Меня будут искать, мой отец – знаете, какая шишка? И вообще, дядя, «Лексус» я не поджигала, ничего не знаю и ничего никому не скажу!

В это время мужчина в костюме сел за руль, повернул ключ в замке зажигания и сказал, бросив через плечо:

– Заткни ее, Трофим. Только осторожнее – она кусается.

– Да пусть кусается, Кош Невмертич, от нас не убудет, – весело пробасил сидевший рядом со мной Трофим, но тут же прилепнул мне рот ладонью, по размерам похожую на разделочную доску моей бабушки.

– Смотри, а то придется ставить уколы от бешенства, – предупредил его мужчина в костюме и дал по газам.

Задние стекла были затонированы, а посмотреть вперед я не могла – Трофим придавил меня своей тушей, не давая даже вздохнуть, не то что двинуться, поэтому понять, куда меня везут, не было никакой возможности.

Я перетрусила не на шутку. Если чел в костюме предъявит мне по счетам за взорванную машину... Да мои родители таких денег за сто лет не соберут! Даже если продадут и свою квартиру и бабушкину! Наверное, он похитил меня, чтобы их шантажировать!

– Не трепыхайся, – предупредил меня Трофим. – Ничего тебе не сделают, но если будешь кусаться – двину в ухо.

Кусаться! Мне казалось, он сплющил мне лицо своей ла-

пищей, вдавив зубы вовнутрь! Еще и нос придавил, ко всему прочему!

Но поездка заняла совсем немного времени, и вскоре автомобиль остановился, Трофим убрал руку, и я смогла вздохнуть полной грудью.

Пока я приходила в себя, Кош Невмертич (что за дурацкое имя?!) вылез из-за руля, открыл дверцу с моей стороны. Я успела лягнуть его два раза, но он поймал меня за щиколотку и вытащил из салона, а потом взял за шею сзади, больно сдавив пальцами, так что я завизжала.

– Вперед, и не брыкаться, – скомандовал он и поволок меня вперед, по каменным ступеням.

Я скосила глаза, чтобы понять, где нахожусь, и немного успокоилась – это был центр города, всего в квартале от администрации. Я знала это здание – какой-то научный центр с незапоминающимся названием. Двадцать этажей, зеркальные стекла, стеклянные двери, охрана на входе. Именно туда, в стеклянные двери, и подтолкнул меня мужчина в черном костюме, а охранники услужливо поклонились, приветствуя его.

На ресепшене сидел подтянутый молодцеватый охранник в синей форменной куртке. Он лазал в телефоне, но едва мы появились, вскочил и вытянулся в струнку.

– Доброе утро, господин Невмертич, – отчеканил он.

– Доброе утро. Позвоните Алисе Патрикеевне, – сказал мой похититель приказным тоном, – пусть приготовят печь.

– Спасите!.. – пискнула я, но охранник лишь мазнул по мне взглядом и нажал какую-то кнопку на пульте, передавая приказ.

– Что же ты никак не уймешься, – сказал Невмертич, провёл меня по огромному холлу – серому, зеркальному – и свернул к лифту.

Дверцы лифта бесшумно раскрылись, и меня бесцеремонно протолкнули в кабину, которая по размерам была чуть меньше моей спальни. Стены тоже были зеркальные, и я увидела отражение Невмертича – он стоял позади меня, чёрный, как ворон, и буравил взглядом. Я прямо чувствовала спиной его взгляд. Спротивляться не было смысла, я уже поняла, и теперь лихорадочно соображала, что мне делать и пыталась угадать, чего от меня хотят.

– Отвечать будете, – тихо сказала я, когда он отпустил меня, а кабина плавно поехала вниз.

Он не ответил, продолжая рассматривать меня, как блоху, которая вдруг заговорила, и это было особенно неприятно. Я прижалась спиной к зеркальной стене, а мужчина скрестил на груди руки. Даже после возни со мной, его причёска была – волосок к волоску, а на костюме не появилось ни одной морщинки.

Мы спускались долго – секунд тридцать. Дверцы лифта распахнулись, и я опасливо вытянула шею, чтобы разглядеть, куда меня привезли. Здесь был глухой коридор, без окон, больше похожий на подвал. Закрытые лампы белого света

под самым потолком, мозаичный пол – черно-белый, странными узорами. Возле лифта стояла миловидная женщина в белом халате и белой шапочке. Из-под шапочки выбивались вьющиеся рыжие пряди, придавая женщине задорный вид. Она улыбнулась мне очень приветливо – даже слащаво, показав ямочки на щеках и смешливо сморщив курносый острый нос.

– Кто тут у нас? – заговорила она со мной, как с малолеткой. – Пойдем, тебя все уже ждут.

– Не пойду, – сипло произнесла я, потому что голос сразу пропал. Мне припомнились все страшные рассказы о том, как людей похищают на органы. В этих рассказах всегда присутствовали страшные, мрачные типы на дорогах авто и такие вот слащавые медсестрички.

Для верности я вцепилась в поручень и отчаянно замотала головой, когда рыжая снова позвала меня, уверяя, что «девочке нечего бояться».

– Не пойду! – заорала я в голос, когда Кош Невмертич шагнул ко мне.

Ему пришлось потрудиться, прежде чем он смог оторвать меня от поручня. Я ляглась и орала, как безумная, да в тот момент я и в самом деле чуть не сошла с ума от страха. Рыжая носилась вокруг, пытаясь меня успокоить и вереща, как белка. Когда мужчина смог со мной справиться и выволок из лифта, потащив по коридору, рыжая зарысила впереди, оглядываясь через каждые два шага и укоризненно качая го-

ловой.

– Ну что же ты... – говорила она мне. – Ну зачем бояться?.. ну, девочка...

– Помогите! Помогите! – голосила я, но тут меня попросту забросили на плечо, свесив головой вниз, и понесли.

Кош Невмертич нес меня так, словно я весила со среднего кролика. Я вцепилась в его пиджак и думала – не стоит ли укусить похитителя за задницу? Вряд ли это поможет, но невозможно сдаться без борьбы!

– Только укуси, – раздался вдруг спокойный голос. – Оставлю без зубов.

Кусаться я сразу передумала. Меня втащили в какую-то комнату и наконец поставили на ноги. Кровь прилила к голове, в ушах шумело, но я сразу дернулась бежать, хотя и не знала – куда. Невмертич поймал меня за шкурку железной рукой, а рыжая уже подкатывала каталку – такую, на которой перевозят тяжелобольных.

– Тетя, дядя! – взмолилась я. – У меня все больное! И сердце, и печень! И почки! Я курю и пью с десяти лет! У меня все уже отравлено спиртом и табаком!

– Что с ней? – спросила озадаченно рыжая.

– Придуривается, – проворчал мужчина и закинул меня на каталку.

Я замолотила руками и ногами, и орала, как будто меня уже резали живьем.

– Бинты принеси, – велел Кош Невмертич, удерживая ме-

ня за плечи. – Ноги ей примотай, она меня всего испинала.

Меня прикрутили к каталке быстрее, чем я успела трижды проорать «убийцы! на помощь!».

– Может, дать ей успокоительное? – спросила рыжая, завязывая последний узел.

– Обойдется, – последовал холодный ответ.

Меня покатили куда-то, и белые лампы на потолке проплывали над головой.

– Дядя, я больше не буду, – взмолилась я и позорно разревелась, но на мои слезы никто не обратил внимания.

– Открывай печь, – услышала я голос Коша Невмертича, – запускай лопату. Этот колобок мне уже до смерти надоел.

Что-то зашипело, стукнуло, и меня отправили напрямиком в темную трубу – как в настоящую печь. Что-то снова стукнуло – и стало тихо, как в могиле.

Это и правда было похоже на могилу – тихо, темно, и невозможно пошевелиться. Я заскулила от ужаса, но что-то щелкнуло, зашипело, и меня выкатили вон.

– А ты боялась, – сладко напевала рыжая, толкая тележку к стене. – Сейчас мы определим твой уровень, и все станет ясно.

– Только не развязывай ее, – предостерег Кош Невмертич. – Она же не даст поработать спокойно.

– Хорошо, – рыжая отошла, и было слышно, как она подсчитывает что-то мурлыкающим голосом.

Повернув голову, я увидела, что рыжая и похититель не

отрываясь смотрят на экран компьютера. Она – сидя в вертящемся кресле, изящно выгнув спину и стучая подушечками пальцев по клавиатуре, а он – нависнув над рыжей, поставив ладони на столешницу, и почти обняв.

Труба, в которую меня только что затолкнули, походила на барокамеру – с толстыми металлическими стенами, с пультом управления на круглой крышке.

– Особь класса «Цэ», – сказала рыжая и выпятила губы «уточкой».

– Точно? – переспросил Кош Невмертич, и мне показалось, что он удивлен.

– Вы же сами видите, – она оглянулась на него, и их губы почти соприкоснулись. – Особь класса «Цэ». Никакой ошибки.

Мне показалось, что сейчас они начнут целоваться прямо передо мной – так зазывно смотрела рыжая. Они как будто и вовсе позабыли обо мне, и я задергала руками, пытаюсь освободиться.

– Кош Невмертич, – раздался уже знакомый мне голос громилы-Трофима. – Там Красновы приехали...

Я встрепенулась, услышав это. Красновы! Приехали за мной? Меня спасут?

– Спихватились, – процедил сквозь зубы Кош Невмертич, отстраняясь от рыжей. – Скажи, сейчас приведу их сокровище.

– Они там в панике, – добродушно прорычал Трофим.

– Не удивительно, – отрезал Кош Невмертич. – Развяжи ее, Алиса, – он посмотрел в мою сторону, взгляды наши встретились, и я замерла, будто меня пришили к твердой подушке каталки. – Значит, «Цэ»...

– Какая еще особь? – грубо спросила я, когда рыжая выпустила узлы, освобождая меня. – И сами вы – цэ!

То, что кто-то из родственников был рядом, придало мне смелости. Да, никто не имеет права похищать детей. А я... я еще ребенок. Отец напишет заявление на этого дылду, и...

– Особь класса «Цэ» означает, что волшебных сил в тебе – на уровне Колобка, – сказал Кош Невмертич, глядя, как я сползаю с каталки, – но они все равно есть.

Рыжая хихикнула, и я поняла, что надо мной смеются. И она, и он.

Да что там – он издевается надо мной, этот сноб-снобище! Колобок! Волшебные силы! Украд, запихнул в какую-то бочку, а теперь еще и оскорбляет!

– Пригласить Красновых? – спросила рыжая, услужливо оборачиваясь. Она ужасно походила на лису, и, переминаясь с ноги на ногу, так виляла бедрами, как будто и в самом деле заметала хвостом.

– Не надо, – Кош Невмертич взял меня за плечо, и я поморщилась, потому что хватка у него была железная. – Лучше нам встретиться не здесь. Идем, Василиса.

Он опять подпихнул меня, принуждая идти, но в этот раз я даже не сопротивлялась – лишь бы поскорее убежать отсю-

да. Мы прошли коридор, поднялись в лифте – и все это молча, и мужчина продолжал держать меня за плечо, а я дважды безуспешно попытавшись освободиться, смирилась.

Дверцы бесшумно разъехались, и я увидела родителей и свою старшую сестру. Ленка стояла бледная, а когда мы вышли из лифта, стала почти зеленой.

Отец и мама тоже выглядели не лучше. Отец оттянул пальцем ворот рубашки, прокашлялся, поправил очки и сказал срывающимся голосом:

– Вы не имели права, господин Невмертич... Ей еще нет восемнадцати... Это, знаете ли, нарушение закона... Без разрешения родителей...

Я дернулась вперед, но господин Невмертич меня не отпустил, продолжая удерживать за плечо. Я злобно взглянула вверх, потому что он был выше меня на две головы, но он не заметил моей злости. Он смотрел на моих родителей, прищуривая глаза. Лицо его было неподвижным, как маска, но ноздри чуть заметно трепетали.

– Нарушение закона? – переспросил он, растягивая слова. – Вы это серьезно, господин Краснов?

Отец вскинулся, но мама схватила его за руку, призывая молчать. Она стояла, втянув голову в плечи – и была совсем не похожа на себя обычную. Да все они были на себя не похожи! Ни мой всегда спокойный отец, ни Ленка, всегда задиравшая нос, ни всегда энергичная мама... Они боялись этого Невмертича... Очень боялись.

А он продолжал – четко, без малейших эмоций, как директор, отчитывавший первоклассников:

– Вы скрывали особь, котируемую классом «Цэ», хотя должны были привести ее для регистрации в двенадцать лет. Как мне отнестись к вашим действиям? Как к нарушению закона? Или как к откровенному на него наплевательству?

Отец опустил голову, мама поднесла к глазам платочек, а Ленка вдруг шагнула вперед и заговорила – быстро, запинаясь:

– Простите, мы не думали... не думали, что у Василисы есть какие-то способности... Вот хоть какие-то...

Кош Невмертич смерил ее холодным взглядом, отчего моя сестра-гордячка, потупилась и так же, как мама, втянула голову в плечи.

– А с вами, Краснова, – сказал он, – я поговорю особо. Извольте через тридцать минут быть у меня в кабинете.

– Да, конечно, – прошептала она.

– Колобок зачислен в «Иву», – бросил господин Невмертич моим родителям. – Обеспечьте завтра ее явку со всеми необходимыми принадлежностями.

– Завтра? – пролепетала мама, папа мрачно промолчал.

– Завтра, – произнес господин Невмертич таким холодным тоном, что впору было снегу пойти. – Вы и так слишком долго тянули. Я бы сказал – преступно затянули.

– Но учебный год уже начался, – отец как будто ухватился за спасительную соломинку, – Василиса не сдавала вступи-

тельных экзаменов!

– Считайте, что она их прошла с высшим баллом, когда оставила от моей машины кучу головешек, – Невмертич скупо улыбнулся и снял руку с моего плеча.

Я сразу вздохнула свободно и рванула к родителям.

Мама ахнула, обняв меня, и опять расплакалась, а отец угрюмо насупился, но возражать больше не стал. Ленка мелко и быстро кивала головой в такт словам господина Невмертича, а он, казалось, наслаждался их смятением.

Меня просто распирало от всего этого – какой-то хмырь вздумал пугать моих родоков, да еще и обзываться вздумал...

– Какой-такой «колобок»? – спросила я зло, пока мама тискала меня, словно встретила после десятилетней разлуки. – И особь?.. И какая-токая ива?

– Василиса, помолчи, – одернула меня сестра.

Моя злость не произвела впечатления.

– Ах, простите, – сказал Кош Невмертич с ложным раскаянием. – Будьте любезны прибыть завтра к началу занятий, Василиса Ивановна, барышня Краснова. Без опозданий. Честь имею, – он коротко поклонился моим родителям и пошел по холлу к выходу, засунув руки в карманы брюк.

Сестра тут же подбежала и обняла меня за плечи:

– Вася, пойдем, – шепнула она.

Я вырвалась, глядя вслед долговязому с ненавистью. Но мама подхватила меня под руку, и мы четвером – держась

на почтительном расстоянии от Невмертича, вышли из здания.

– Вы езжайте домой, – сказала Ленка, – увезите Ваську.

– Мы тебя подождем, – сказала мама твердо.

Мы видели, как Кош Невмертич сел в «Лексус» и стартанул, едва не сшибив напольную вазу с цветами у парковки. Мои родители сразу же приободрились и заговорили нормальными голосами, а на щеках сестры появился легкий румянец, да и держаться она стала свободнее – совсем как раньше, когда доводила меня до бешенства своим высокомерием.

– Не надо, мама, – сказала она с видом страдающей королевы, – я там могу застрять надолго.

– Давай я пойду с тобой? – сказал отец, поправляя очки. – В конце концов, он ведет себя возмутительно! И я скажу ему...

– Не надо, папа, – Ленка покачала головой. – Лучше я сама поговорю с ректором. Ты же знаешь, его лучше не злить...

– Лучше не злить, – эхом откликнулась мама и прижала меня к себе.

Не слишком часто она так нежничала со мной. В любое другое время я бы обрадовалась, что она решила обнять меня, а не ругать за очередное посещение детской инспекции, но сейчас я никак не могла успокоиться – меня трясло от пережитого ужаса, от злости, и ко всему этому добавлялось раздражение на родителей, которые только что вели себя, как

потерявшиеся в городе детки из садика.

– Какой ректор? – вскипела я. – Какие особи? Кто-нибудь мне что-нибудь объяснит?!

– Удачи, Леночка, – мама опять всплакнула, и Ленка пошла к своей машине.

– А нам лучше и правда домой, – сказал отец. – Поторопимся, девочки.

Вскоре мы с мамой сидели на заднем сиденье нашей «Тойоты», мама все еще обнимала меня, а отец выворачивал на Садовую. Он нервничал, и едва не зацепил соседнюю машину. Водитель приопустил стекло и заорал что-то, но папа только кивнул и прибавил газу.

– Вы так и будете играть в молчанку? – я вывернулась из-под маминой руки. – Что происходит? И что это был за тип? Он меня там привязывал, если что! И какие-то опыты надо мной ставил! И вообще – он псих! Его надо изолировать от общества! Он про волшебные силы говорил! И ничего я не сжигала! Его машина сама взорвалась!

Родители обменялись взглядами в салонном зеркале, и папа выдавил через силу:

– Расскажи ей, Лидок.

– Ну? – я повернулась к матери. – Лидок расскажет?

– Ты как разговариваешь с матерью! – в голосе отца появились привычные грозные нотки.

– Как хочу – так и разговариваю, – огрызнулась я.

– Прекратите оба, – губы у мамы задрожали. – Вася, это

был Кош Невмертич, ректор «Ивы».

– Какой еще ивы? – окончательно психанула я.

– Института Волхования и Архимагии, – сказала мама. –

Сокращённо – ИВА.

Глава 2

– Здравсьте, – сказала я грубо. – Теперь и у вас крыша поехала, дорогие родоки? Остановите, я выйду – и к бабуле. Она хоть тоже гусей ловит, но с ней спокойнее.

– Ты как себя ведешь?! – папу всегда возмущала моя манера говорить, как пацан из подворотни.

Обычно я старалась не злить его, но сейчас специально действовала на нервы. Потому что слишком уж перенервничала сама.

– Успокойтесь, – опять вмешалась мама. – Вася, завтра тебе приказано быть в «Иве», и к бабушке ты не поедешь, – она хотела взять меня за руку, но я не далась.

– Кем это приказано? Тем хмырем? Да плевала я...

– Вася! – рыкнул отец.

Я обиженно поджала губы и уставилась в окно. Пусть говорят, что хотят, ни в какие «ивы» я ни ногой. И вообще, у меня завтра тренировка по танцам...

– А где мой телефон? – спохватилась я. – Когда была в больнице, у меня забрали телефон!

– Вот он, – мама порылась в сумочке и протянула мне мою драгоценную мобилу.

Батарейка почти села, но я сразу приложила палец к индикатору, чтобы посмотреть, как дела у моих друзей.

Гремучий случай! Двести тринадцать пропущенных звон-

ков! И пятьдесят сообщений! И это я еще в соцсети не заглядывала!

Телефон погас, заставив меня застонать от досады. Наверняка, Бантик с ума сходит, куда я пропала. И Миланка волнуется. И остальные...

– Ладно, поехали домой, – согласилась я. – Хоть телефон быстрее заряджу. А то пока доберусь до бабушки, полдня пройдет.

Мы добрались до дома в гробовом молчании. Я демонстративно не обращала на родителей внимания, отец вел машину, постоянно пристраиваясь не в тот ряд, а мама время от времени тяжело вздыхала.

Оказавшись в квартире, я сразу прошла в комнату Ленки, у меня не было своей комнаты в доме родителей. Сев на пол, я воткнула штепсель зарядного устройства в розетку и с трудом дождалась, когда телефон включится.

Как я и предполагала – писали и звонили мои друзья. Я открыла свою страничку, чтобы уже все перестали волноваться.

«ТЫ ЖИВА?!» – было первое же сообщение от Влада.

«Все норм, Бантик, – написала я. – Только шишка на лбу. В полицию загребли».

А дальше посыпалось – жива? цела?..

Я только успевала отвечать, что со мной все хорошо.

Среди общего потока попало странное сообщение, которое я даже не дочитала, побыстрее пролистнув: «Вам над-

лежит прибыть в «ИВА» завтра, к 8 часам, с собой иметь серебряную ложку, серебряное блюдо...».

Что за бред? Зачем им там серебряные ложки и тарелки?

Я так увлеклась, что не услышала, как приехала сестра. Лишь когда она вошла в комнату, я оторвалась от телефона.

– ...ужасно злой, – закончила фразу Ленка и сразу полезла в шкаф, что-то доставая с верхней полки.

– Кто бы мог подумать, что так все обернется... – прошептала мама, заглядывая в комнату.

– А зачем он тебе это говорил? – спросил папа возмущенно. – Почему не поговорил с нами? С родителями?

– Напомнил, что у меня через год диплом, – коротко ответила сестра и вытащила коробку из-под обуви. – Сказал, что после таких сюрпризов может задуматься – стоит ли меня, вообще, аттестовывать.

Мама ахнула, папа ослабил узел галстука, покачав головой.

– Сказал, что если будем прятать Васю, – продолжала Ленка, – он припомнит сожженный «Лексус». У нее неконтролируемые всплески. Он сказал, что она чудом не оказалась в тюрьме...

Мама ахнула снова и прижала ладони к щекам, а отец, процедив что-то сквозь зубы, ушел в кухню.

– При чем я-то?! – возмутилась я, отрываясь от телефона. – Его машина сама взорвалась!

Сестра резко обернулась, посмотрев на меня. Теперь это

была та же самая Елена, что и раньше – старшая сестрица, красавица и суперумница, любимица мамочки, гордость папочки...

– Это из-за тебя, – сказала она жестко. – Такое бывает, когда магическая сила долго сдерживается, а потом выплескивается на эмоциях. И когда ты не умеешь ее контролировать.

– Кто бы мог подумать... – прошептала мама. – Мне казалось, у нее нет никакого дара.

– Какого дара?! – возмутилась я, но меня словно не услышали.

– «Лексус» коллекционный, – коротко сказала Елена. – Но он сказал, что не станет требовать компенсации, если нарушений закона больше не будет.

У меня было такое чувство, что мир вокруг сошел с ума. Какие маги? Какие всплески?!

– Все, я к бабуле, – буркнула я, поднимаясь и выдергивая шнур зарядки. – Поговорим, когда вернете мою семью обратно, инопланетяне.

– Куда это ты? – Ленка преградила мне дорогу. – Никуда не пойдешь. И так с тобой неприятностей не оберешься!

– Со мной? Ты совсем крышей съехала, – я натянула бейсболку до ушей и насупилась. – А ну, пропусти.

– Ее надо собрать к завтрашнему, – сказала Ленка маме, смерив меня недовольным взглядом. – Кокошник пусть возьмет мой старый, на первое время сойдет, а потом посмотрим, какие камни будут лучше...

– Собирайтесь, а я пошла, – подвинув сестру плечом, я направилась в прихожую, но теперь на моем пути встала мама.

– Вася, – она пыталась говорить строго, – никуда ты не пойдешь. Прекрати свои выходки...

– Мы всего-то Роцу защищали! – завопила я и только потом догадалась, что мама имела в виду вовсе не нашу танцевальную «выходку», а совсем другое.

– Всё, шутки кончились, – отец вышел из кухни. – Василиса, ты разве не видишь, что все серьезно?

– Да что серьезно?!

– Вот! – сестра сунула мне под нос свой телефон. – Полюбуйся!

– И что тут? – проворчала я.

На экране был ролик из ютуба, я прочитала заголовок: «Пацан сгорел возле администрации!».

– Ерунда какая-то...

– Ты посмотри, посмотри, – велела Ленка.

Я нехотя запустила ролик и сразу увидела знакомый «Лексус», на крыше которого выплясывала фигурка в маске в виде черепа. Это была я – во время «выходки». Вот я кружусь волчком, а вот делаю сальто... Едва я приземлилась, от души грохнув пятками, как машина вдруг загорелась – на крыше, ровным кольцом вокруг меня, а я продолжала танцевать, не замечая пламени. Огонь лизал мою одежду, руки, доставая почти до плеч, но не причинял никакого вреда.

Я удивленно перевела взгляд на свои толстовку и джинсы

– они были целые, не опалённые, и даже гарью не пахли!

А на видео пламя уже охватило машину до колес. Кто-то громко выругался за экраном, а потом раздался истошный вопль: «Васька! Беги!». Я скатилась по лобовому стеклу, рассекая пламя, как воду, побежала, и тут машина взорвалась желтым снопом огня.

Изображение подпрыгнуло, показало асфальт и мелькающие ноги, а потом ролик кончился, но я продолжала стоять столбом, держа телефон.

– Убедилась? – сердито сказала Ленка, забирая у меня мобильник.

– Так не бывает, – произнесла я через силу, а в голове стало пусто, как в воздушном шарике. – *Так* не бывает.

– Бывает, – ответила сестра, но уже не сердито, а устало, и обернулась к родителям: – Я ей покажу?

– Подожди, Леночка, – засуетилась мама. – Надо ее хоть подготовить... Кто знает, как это отразится на психике.

– На ее психике? – фыркнула сестра. – Да не смешите. На ее психике пахать можно.

– Что показать? – спросила я и не узнала своего голоса – так странно и сдавленно он прозвучал.

– Я покажу, – и не обращая внимания на мамины просьбы не торопиться, Ленка посмотрела на меня в упор, взмахнула руками перед своим лицом, и вдруг кувыркнулась прямо по полу, мне под ноги.

Я отскочила, чтобы она не сшибла меня, но на том месте,

где только что была моя сестра, вдруг появилась... птица. Белый голубь посматривал на меня темными бусинками-глазками, а потом расправил крылья, взлетел... и вот уже перед нами стоит Ленка, приглаживая растрепавшиеся волосы.

– И что это? – тупо спросила я.

– Это называется – оборотничество, – терпеливо пояснила сестра. – Мы все – птичьи оборотни. Папа и я – голуби. А мама – сойка.

Я посмотрела на родителей, они смотрели на меня с сожалением и... жалостью. А потом мама отвела взгляд.

– Мы пытались спрятать тебя, Васечка, – сказала она тихо.

– Спрятать? – переспросила я, гадая – сойду с ума сейчас или уже сошла. – От кого?

– От высокого совета, – сказала сестра. Она открыла коробку, которую доставала из шкафа, и вытащила оттуда кокошник, украшенный жемчугом. – Только прятали от совета и чуть не попались особистам.

– Елена! – шикнул на нее папа. – Ты с ума сошла – говорить о таком?!

– А что? – сестра вскинула брови. – Мы прогремели по всему интернету! Хорошо хоть у нее мозгов хватило маску натянуть! Иначе уже сегодня нас всех бы допрашивали.

– Елена! – прикрикнули на нее мама и отец уже одновременно.

Она досадливо дернула плечом и отвернулась, засовывая кокошник в мой рюкзак. Я чувствовала себя до такой степе-

ни пришибленной, что даже не остановила ее, хотя в другое время заорала бы, запретив трогать мои вещи.

– Кто допрашивал? – я по-прежнему стояла столбом посреди прихожей, хотя раньше просидеть неподвижно даже пару минут было проблемой.

– Это неважно, – быстро сказал папа. – Что случилось – то случилось. Теперь надо принять то, что есть. Василисе завтра отправляться в «Иву», надо найти все по списку максимально.

– Блюдце есть, ложка тоже, – принялась загибать пальцы сестра. – Сапоги можно купить потом, они все равно раньше новогоднего бала не понадобятся...

– Зеркало, – подсказала мама. – Пусть возьмет мое.

– Да, пока твое, а потом все докупим, – согласилась Ленка. – Пап! Надо съездить на рынок за яблоками.

– Я съезжу, – тут же отозвался папа.

Мне показалось, он был очень рад сбежать из квартиры, предоставив маме и Ленке возиться со мной.

Меня усадили на кушетку в комнате сестры, и Ленка, засовывая в мой рюкзак какой-то хлам, заговорила неторопливо, как будто рассказывала сказку:

– «Ива» – это самое престижное заведение в нашей стране. Попасть туда можно только после отборочных в три тура. Тебя приняли туда без экзаменов, по личному ходатайству ректора. Так что радуйся, что будешь учиться в элитном институте, а не любоваться на звездочки через решетку...

– Лена! – не выдержала мама. – Зачем ты ее пугаешь?

– Я не пугаю, – отрезала сестра. – Ее вряд ли что-то испугает. Это нам надо бояться, чтобы она там что-нибудь не выкинула.

– Меня в тюрьму, что ли, могли посадить? – дошло до меня, наконец. – Да мне еще восемнадцати нет! Какая тюрьма?!

– Особая тюрьма, – Ленка повернулась ко мне, прищуривая глаза и воинственно раздувая ноздри. – Наша жизнь – она под постоянным контролем. Любой проступок может стоить свободы. За нами всегда слежка, даже когда кажется, что никто ничего не видит.

– За нами?.. – пискнула я. – За Красновыми, что ли?

– За нами! – сказала сестра, как припечатала. – За волшебниками, магами, колдунами – называй, как хочешь, сути это не изменит. Но магия – это чудовищная сила, иногда она меняет человека до неузнаваемости. Изменишься – и окажешься в Особой тюрьме, откуда нет выхода.

– Ерунда какая-то, – шумно выдохнула я.

– Нет, не ерунда, – сказала мама грустно. – Мы хотели, чтобы у тебя была нормальная жизнь, Васенька. Нормальное детство...

– Нормальное?! – взвилась я. – Сплавил меня к бабушке и запретили приезжать! Это – нормальное, по-вашему?

– Я говорила, что это бесполезно, – Ленка застегнула «молнию» на моем рюкзаке с такой скоростью и силой, что она взвизгнула. – Она все равно ничего не поймет. Мне за-

ранее страшно, что она там устроит. А у меня диплом на носу, между прочим. Мне с ней нянчиться некогда.

– А со мной и не надо нянчиться, – огрызнулась я. – Тоже мне... няньки!

– Ну вот, видишь, – Ленка устало указала маме на меня. – Плюс ко всему этому – класс «Цэ». В нашей семье – класс «Цэ»! Вот ведь позорище. Да меня даже воробьи засмеют.

Это было еще обиднее, чем оскорбления ректора Невмертича.

Иногда Ленка была так высокомерна, что просто напрашивалась на пару пинков. Еще вчера я и обошлась бы пинками, чтобы она не слишком задирала нос, но сегодня драться мне совсем не захотелось. Она стояла передо мной – красивая, с распущенными по плечам пышными локонами, в узких джинсах, которые шли ей бесподобно, показывая, какие у нее точеные ножки и тонкая талия, в элегантном пиджаке, к лацкану которого была прикреплена крошечная серебряная брошь с тремя жемчужинами – строго и с ума сойти, как сексуально. Совсем не то что... не то что я.

Опустив голову, чтобы не видеть Ленкиного великолепия, я тихо спросила:

– Объясните про классы. Почему я – позорище?

– Ладно, не злись, Вася, – Ленка подошла и потрепала меня по плечу. – Ты не виновата, зря я так.

– Что за класс «Цэ»? – упрямо повторила я, отодвигаясь от Ленки. Ее жалость мне точно была не нужна, и сейчас я

вовсе не злилась... то есть злилась, но не сильно... то есть...

– Уровень волшебных сил каждого определяется по трехбуквенной шкале, – объяснила сестра. – Выше семидесяти процентов от всего объема жизненных сил – класс «А». В нашей семье все – класса «А». У меня – восемьдесят пять процентов, – она сказала это как бы между прочим, но прозвучало это точно так же, как когда Ленка хвасталась очередными годовыми оценками, когда приезжала к бабушке. После того, как смотрели мой дневник. – Класс «А» – это талант, одаренность от природы. Нас очень мало, поэтому нас берегут и занимаются по индивидуальной программе.

Мама как-то странно кашлянула, и Ленка резко посмотрела на нее, но мама ничего не сказала, и сестра продолжала:

– От двадцати процентов до семидесяти – класс «Бэ», это середняки, их везде полно. Магия может быть даже тонких вибраций, но ее мало, недостаточно, чтобы проявить волшебную силу на что-то выдающееся. Так, бытовые фокусы, не больше. И есть класс «Цэ» – когда меньше двадцати процентов. Это особи, у которых магия выражается на примитивном уровне и, как правило, добиться каких-то результатов с ними невозможно. Но волшебные силы у них есть, поэтому их тоже приходится принимать во внимание.

Она помолчала, ожидая, скажу ли я что-то, а потом вздохнула и подытожила:

– Пойми, это как игра в оркестре – есть басовые, что создают фон, а есть солирующие инструменты.

– А почему – особь? – спросила я, не желая говорить Ленке, что уточнение про солирующих и басовых было лишним. И страшно обидным.

– А как нас еще назвать? – она пожала плечами. – Разве мы – люди?

– Разве нет? – я посмотрела на нее прямо, и по лицу сестры словно скользнуло какое-то облачко – то ли сожаление, то ли досада. – И сколько процентов у меня?.. – спросила я, невольно облизнув губы.

– Это совсем не важно, – вмешалась мама. – Давайте собираться, девочки. Иначе мы ничего не успеем до завтра. Лена, посмотри блюдце в кухне, и ложку. А я возьму зеркало.

– Хорошо, – Ленка отправилась в кухню, мама – в их с папой спальню, а я осталась в комнате сестры, потому что не знала, куда мне идти.

Слишком много всего обрушилось на меня за последние несколько часов. Это нужно было обдумать, но мыслей в голове было отчаянно мало, и все какие-то не те. Но громче всего звучал Ленкин голос: «Меньше двадцати процентов... примитивный уровень... басовый фон... но их тоже придется принимать во внимание...». И здесь я оказалась хуже, чем она.

Я подумала об этом – и испугалась. Мне говорят, что моя семья – птички оборотни, что я – волшебная особь, *нечеловек*... а я переживаю, что не смогла стать больше нечеловеком, чем Ленка?

Сестра высунулась из-за косяка и сказала:

– У тебя семь процентов. Мне Кош Невмертич сказал.

Она сразу же скрылась в кухне, но мне от этого легче не стало. Совсем не стало. Обхватив голову руками, я переживала очередное унижение.

Кош Невмертич сказал...

Что он еще сказал? «Волшебных сил в тебе, как в колобке, но они есть».

Класс «Цэ» тоже приходится принимать во внимание...

Они ведь... колобки. Говорящие особи, с магией на примитивном уровне. А в нашей семье все – класса «А». Позорище...

Я вдруг вскинулась, как будто получила пощечину.

Родители сказали, что прятали меня, чтобы было нормальное детство...

А что, если они прятали меня вовсе не поэтому? А потому, что стыдились дочери, у которой волшебных сил всего семь процентов? Все – класса «А», и тут – колобок...

– Вася, – позвала мама, – подойди, пожалуйста. Я нашла бабушкино зеркало, давай проверим, какое тебе больше подойдет.

– Иду, – ответила я бесцветным голосом и поплелась в родительскую спальню, хотя больше всего хотелось уйти, хлопнув от души дверью.

Глава 3

– Обязательно было одеваться, как чучелу? – шипела на меня Ленка, когда на следующий день мы подходили к огромному сорокаэтажному зданию «Ивы». – Мне рядом с тобой идти стыдно!

Я не ответила, шагая в своей вечной толстовке, драных джинсах, в потрепанной бейсболке и с рюкзаком за плечами. Настроение у меня было – очень не очень. Мало того, что родители отвезли нас с Ленкой до самого института (чтобы я не сбежала), так еще и отобрали у меня сотовый телефон. Я попробовала возмутиться, но сестра очень быстро и доходчиво объяснила, что в «Иве» гаджетам не место, их изымают на проходной.

– Придется пережить неделю без интернета, Васечка, – сказала она ехидно. – Ты уж постарайся.

– Неделю? – буркнула я.

– Первогодки обучаются по системе интерната, – сказала Ленка, подкрашивая губы перед тем, как выйти из машины. – Неделю учишься, на выходные отпускают домой.

– Мы так не договаривались, – проворчала я больше для вида, потому что поняла, что неделя тюрьмы в «Иве» – это неизбежность.

И вот теперь я шла к этой самой тюрьме, а сестра продолжала ковырять мне мозги чайной ложечкой.

– Разве нельзя было одеться нормально?! – возмущалась она шепотом. – И не горбись! Что ты идешь, как анчутка какая-то!

Сама она была в бледно-желтом платье с узким пояском и стилизованными погонами. На нее оглядывались мужчины, и я надвинула бейсболку на глаза, чтобы не видеть этого внимания. На меня точно никто не смотрел. А если смотрел – то с недоумением, что я делаю рядом с такой красавицей.

Я напомнила себе, что меня совершенно не волнует, как пялятся на Ленку. Зато я лучше танцую. И вообще...

Что – вообще, я так и не додумала, потому что мы пришли к «Иве» и начали подниматься по ступенькам. Было тихо и пусто – тоже мне, институт! Я запрокинула голову, посмотрев на верхние этажи. Да-а... если лететь с крыши – вспомнишь всю свою жизнь перед тем, как шмякнешься в лепешку.

Нас обогнала милovidная девушка – в мини-юбке и крохотном пиджачке поверх укороченной кофты – все такое крохотное, что казалось почти неприличным. Пожалуй, появись красотка в купальнике – это не выглядело бы так вызывающе. Темные волосы были уложены в высокую прическу, отдельные прядки кокетливо выбивались. Прежде, чем проскользнуть в стеклянные двери, девушка оглянулась на нас с сестрой и улыбнулась – но не приветливо, а пренебрежительно.

Я посмотрела на Ленку и увидела, что у нее даже ниж-

няя челюсть выпятилась – сразу ясно, что они с девицей не слишком друг друга любили.

– Кто это? – спросила я, но Ленка проигнорировала вопрос.

– Сними рюкзак, – велела она, пропуская меня вперед, – сейчас будут досматривать.

Мы оказались в крохотной проходной – даже странно, что в таком огромном здании такая маленькая проходная. В противоположной стене была дверь со смешной ручкой в виде кольца, справа стояла прозрачная будка со столом и мониторами, а мужчина в синей униформе досматривал темноволосую девицу, что только что пробежала перед нами. Нам с Ленкой пришлось подождать, и я сунула в рот пластик жвачки, наблюдая, как темноволосую мини-юбку проверяют ручным металлоискателем.

– Чисто, – сказал охранник. – Сейчас проверим рогулями.

Девушка продолжала стоять совершенно спокойно, а охранник достал изогнутую ветку, очищенную от листьев и коры, и принялся водить ею вокруг темноволосой так же, как металлоискателем. Я вытаращила глаза и тут же получила от Ленки тычок локтем в ребра.

Осмотр затянулся, и я видела, что лицо у охранника все больше вытягивается.

– Долго еще? – темноволосая потеряла терпение первой. – Может, я уже пойду?

– Секундочку, – охранник приподнял фуражку, вытер ру-

кавом лоб и продолжил досмотр.

Входная дверь за нашими спинами хлопнула, и мимо нас прошел еще один мужчина – в сером костюме, со светло-русыми кудрями почти до плеч.

– Что-то не ладится, Семен Кузьмич? – приветливо спросил он у охранника.

– Да вот не пойму что-то, Слободан Будимирович, – пожаловался тот, – вроде и есть запретка, а никак не найду!

Я заметила, как темноволосая подобралась, чуть втянув голову в плечи и глядя на блондина искоса.

– Ну-с, Косынзянова, – весело сказал он, – посмотрим, что вы припрятали?

– Ничего! – тут же отозвалась темноволосая, посмотрев широко распахнутыми глазами.

Я ни на секунду ей не поверила, хотя понятия не имела, что такое «запретка» и почему ее ищут при помощи деревянной палки.

Блондин тоже не поверил. Он обошел вокруг девушки, смешливо щуря синие глаза. Глаза были такими яркими, что производили сногшибательное впечатление. Я уставилась на него, раскрыв рот. Блондин был просто неприлично красив – с темными бровями и ресницами, с ямочкой на подбородке, и в то же время – ничего женственного, совсем ничего. Ростом он был под добрых два метра, и двигался легко и гибко, как спортсмен, а пиджак на плечах немного морщил – из-за выпирающих бицепсов.

– Позвольте, – блондин протянул руку и выдернул длинную шпильку, удерживавшую высокую прическу Косынзяновой, выпустив на волю черную массу волос.

Девушка ахнула, вскинув руки к голове, но блондин уже держал маленький стеклянный пузырек, полный темно-красной жидкостью.

– Что у нас тут? – он повертел пузырек, прищулив один глаз. – Приворотное зелье, Косынзянова?

Темноволосая насупилась и ничего не ответила.

– Как мило, – блондин наклонился, заглядывая ей в глаза. – Для кого вы это приготовили? Неужели, для меня?! – он расхохотался, перебросив пузырек охраннику – тот неловко поймал его и отправил в ящик стола, положив очень осторожно, будто стекляшка могла взорваться. – Ректору будет доложено, – добавил блондин уже другим тоном. – Теперь можете идти.

Косынзянова пулей пролетела в двери, а блондин повернулся к нам.

– Доброе утро, Краснова, – поздоровался он с Ленкой.

– Доброе утро, господин Будимирович, – отозвалась она детским голоском.

Я с удивлением подняла на нее глаза – с моей уверенной, всегда высокомерной сестрой что-то произошло. И говорила она, как школьница, и даже умудрилась покраснеть.

– Привели нового студента? – любезно спросил Будимирович. – Юноша школу-то закончил?

Я не сразу сообразила, что он говорил обо мне. Собираясь в институт, я не слишком заморачивалась с прической – стянула волосы в хвост и засунула под бейсболку. Меня часто принимали за пацана, и я уже не обращала на это внимания, но сейчас мне стало обидно до слез. Обидно и унижительно, хотя вряд ли блондин хотел меня унижить.

– Это моя сестра, – выдавила Ленка почти с ненавистью.

– А, вот как, – блондин еще раз окинул меня взглядом и еле заметно усмехнулся. – Что ж, давайте и вас досмотрим. У меня есть пятнадцать минут, помогу Семену Кузьмичу.

Ленка судорожно вздохнула и шагнула вперед.

Будимирович обошел ее и ласково произнес:

– Чисто. Можете проходить, Краснова. Не забудьте, что вы готовите презентацию на следующую лекцию. Я ожидаю от вас чего-нибудь необычного.

– Да, господин Будимирович, – ответила Ленка, не поднимая глаз.

Потом процедуру осмотра пришлось пережить и мне. Меня прошиб пот, когда синеглазый красавчик обошел меня кругом, прищуриваясь и посмеиваясь, будто видел что-то, чего видеть ему вовсе не полагалось.

– У девочки тоже все чисто, – объявил он, кивнув мне. – Пропустите, Семен Кузьмич. Значит, сестра? – он лукаво взглянул на Ленку, отчего та покраснела, как помидор, а потом взялся за кольцо и скрылся за дверью.

Мне пришлось подождать еще сколько-то, пока Ленка

приходила в себя – поправляла волосы, зачем-то полезла в сумочку и долго там рылась.

Охранник сделал вид, что не замечает ничего, и зашел в будку, щелкая кнопками пульта и проверяя камеры.

– Это кто был? – спросила я тихо, чтобы охранник не услышал.

– Декан факультета песнопений, – отрывисто произнесла Ленка.

– Песнопений? Тут консерватория, что ли?

Сестра посмотрела на меня так, что я предпочла замолкнуть и еще сильнее надвинула козырек бейсболки на глаза, шагнув за Ленкой в дверь с кольцом вместо ручки.

Если бы не Ленка, я бы заблудилась сразу же – хитросплетение лестниц, коридоров, колонн и комнатушек непонятного назначения сильно напоминало лесные дебри. Сестра уверенно вела меня через эти дебри одной ей известными тропами, и вскоре я совершенно перестала понимать, где нахожусь.

– Стоишь здесь и ждешь, – велела мне Ленка, останавливаясь перед дверью, на которой красовалась табличка с надписью черным по золоту: «Ягушевская Б.З.».

– Угу, – ответила я, сунув руки в карманы.

Ленка постучала, приоткрыла двери и позвала:

– Барбара Збыславовна! Можно?

– Это вы, Краснова? – раздался низкий, мелодичный голос. – Заходите.

– Стой здесь! – прошипела мне Ленка и зашла в кабинет.

Она пробыла там долго – я истоптала все ноги, слоняясь по коридору туда-сюда мимо дверей.

Все это не было похоже на институт. Я бывала в ВУЗах – Вадим и Милана были уже второкурсниками. В таких заведениях всегда суматоха, толчея, студенты бегают, отыскивая аудитории, преподавателей осаждают вопросами о пересдаче – жизнь кипит! А здесь... тут была тишина, как в подвале. Институт волхования! Ха!.. И архимагии... Глупость какая.

Но Ленка ведь могла превратиться в голубя...

Я вздохнула, понимая, что все совсем непросто, и неизвестно, что будет дальше. И от этого было совсем печально. Особенно без сотового телефона.

В конце коридора раздался топот, и навстречу мне помчались два парня – на бегу они с хохотом перебрасывали друг другу бейсбольный мяч, который искрил золотистыми и красноватыми вспышками. Наверное, мяч был горячим, потому что парни ухали, хватая его, а перебросив другому – трясли руками, дуя на ладони.

Я стояла посреди коридора, и один из парней – с длинной челкой и подбритыми затылком и висками, весело заорал на меня:

– С дороги, пацан!

Я заметалась и еле успела прижаться спиной к стене, когда они пролетели мимо меня и исчезли за углом. Еще какое-то время я слышала их смех и топот, а потом опять стало тихо.

Дверь с табличкой открылась, и Ленка бешено замахала мне рукой, подзывая.

– Скорее! Скорее ты! – торопила она меня.

Вскинув рюкзак повыше, я затрусилась в кабинет.

– Вот она, Барбара Збыславовна, – сказала Ленка необыкновенно услужливо. – Вася, поздоровайся.

– Здравсьте, – сказала я, оглядываясь, чтобы увидеть, с кем я здороваюсь.

За дверью находился обыкновенный кабинет – стол, компьютер, стеллажи с папками. Жалюзи на окне были открыты, впуская солнечный свет – ничего таинственного, колдовского или ведьмовского. Никаких черепов, свечей и прочей ерунды, которую показывают в фильмах про магические школы.

– Здравствуйте, – раздался глубокий и приятный голос, и из-за стеллажа показалась женщина.

Она с любопытством взглянула на меня, а Ленка, похлопав меня по плечу, зашептала:

– Остаешься с Барбарой Збыславовной, она отведет тебя в твою группу и представит. Я на занятия, встретимся позже, – и она выскочила вон прежде, чем я успела спросить – где и когда встретимся.

– Василиса, наверное, а не Вася? – спросила женщина доброжелательно, выходя из-за стеллажа. Она встала передо мной, скрестив на груди руки, и покачала головой, с улыбкой оглядывая меня с головы до ног. – Василиса Краснова,

верно?

– Да, – ответила я, не зная, что еще сказать.

Она была несколько полновата, но ее это нисколько не портило. Пожалуй, я никогда в жизни не видела такой красивой женщины – У нее были длинные темные волосы, уложенные живописным беспорядком, миндалевидные глаза – почти черные, с рыжими пятнышками вокруг зрачка, и пухлые, улыбочивые губы. От нее самой исходила какая-то мягкая, тягучая сила – я ощутила это очень явно. Меня словно заворачивали в ватное одеяло – вроде бы и мягко, и пушисто, но не вырвешься.

– А меня зовут – Барбара Збыславовна, – сказала женщина, жестом предлагая мне присесть на стул, а сама села в кресло напротив. – Я – заведующая по учебной части. Обычно мы не принимаем студентов с опозданием, но для тебя сделано исключение.

Я кивнула, усевшись, куда она показала. Рюкзак мешал, но снять его я постеснялась. Рядом с этой уверенной и элегантной женщиной я и вовсе почувствовала себя паршивым щеночком. Ленка была права... позорище...

– Кош Невмертич рассказал, что родители не хотели приводить тебя на регистрацию, – продолжала Барбара Збыславовна, – это огромный проступок, но мы решили не предавать дело огласке. Главное, ты, наконец, с нами, а что там было раньше – уже неважно.

– С вами? – быстро переспросила я.

– С волшебниками, – подсказала она.

Голос у нее был тягучий, так и вливался в уши, а сама она чуть подалась вперед и говорила так доверительно... Так со мной первые пару раз разговаривали в полиции.

– У меня всего семь процентов, – торопливо сказала я, стараясь разрушить эту колдовскую атмосферу понимания и всепрощения. Понятно, что она строит из себя «доброе полицейского», вот только надолго ли ее хватит.

– Семь процентов – это немало, – возразила Барбара Збыславовна. – Этого достаточно, чтобы проявить себя или... навредить другим. Родители рассказали тебе об «Иве»?

Я немедленно кивнула и выпалила:

– Крутая магическая школа.

Женщина улыбнулась и откинулась на спинку кресла, изящно подперев голову рукой и глядя на меня сочувственно и едва ли не с жалостью.

– Тогда я тебе еще немного расскажу о нашем институте, – сказала она. – ИВА – одно из лучших учебных заведений в нашей стране. Пожалуй, лучшее. У некоторых, правда, вызывает сомнения программа Коша Невмертича по обучению...

«Это точно», – ответила я ей мысленно, припомнив, как их расчудесный Кош Невмертич волок меня из отдела полиции.

– ...но наши выпускники – лучшие в мире. В мире. Слы-

шишь, Василиса?

– Угу, – ответила я.

– И если Кош Невмертич решил, что ты достойна учиться здесь, тебе придется постараться.

«Вот это – вряд ли, – возразила я про себя. – Дайте только время – и я сбегу. К бабуле».

– Ты зачислена на первый курс, – голос Барбары Збыславовны журчал ручейком, – твоя группа ушла далеко вперед, тебе придется подналечь на учебу. Поэтому мы решили, что обучение полупансионом тебе не подходит. Первое полугодие ты будешь находиться на интернатном обучении.

Я вскинула голову, уставившись на нее.

– Да, – с улыбкой подтвердила она, будто говорила что-то необыкновенно приятное, – до нового года ты будешь жить здесь.

– А выходные?..

– И выходные будешь проводить здесь. Хочешь конфетку? – она взяла со стола хрустальную тарелку, полную крохотных леденцовых конфет в ярких фантиках.

Мне захотелось ударить по этой тарелке, чтобы конфеты разлетелись по всей комнате. Да уж! Методы в этой «Иве» такие же, как в отделе по делам несовершеннолетних!

– Так будет лучше для всех, – Барбара Збыславовна поставила тарелку на стол и закончила: – И для тебя – в первую очередь.

– Значит, я здесь, как в колонии для малолеток! – сказала

я в сердцах и вскочила со стула.

– Здесь нет малолеток, – поправила меня она. – Здесь *волшебники*. Успокойся и присядь, пожалуйста.

Она сказала это негромко и не в приказном тоне, но я послушно опустилась на стул.

– ИВА – не тюрьма, Василиса. Здесь о тебе позаботятся. Сестра будет рядом с тобой. А после нового года, если мы увидим, что все идет хорошо, ты будешь переведена на полупансион и сможешь увидеться с родителями и друзьями. Всего-то потерпеть несколько месяцев.

– Угу, – горько согласилась я. – Похоже, вы взялись за меня серьезно...

– Это вынужденная мера, – посочувствовала она. – Обычно мы уже все знаем о наших студентах. Их силу, возможности, таланты, слабости. А о тебе пока ничего не знаем. Кроме того... – она лукаво прищурилась, – что ты взорвала машину господина ректора.

– Я же...

Но она приложила палец к губам, призывая меня молчать:

– Пусть это будет нашим маленьким секретом. А теперь я хочу, чтобы ты запомнила несколько правил – они обязательны для всех наших студентов. Первое – и главное: волшебная сила никогда не должна причинять вред другим. Так получилось, что ты едва не нарушила это правило.

– Но я не...

– Ты не знала, понимаю, – она участливо кивнула. – Вот

поэтому и надо, чтобы ты пока пожила здесь. В «Иве» дар каждого студента изучают, помогают раскрыться, учат им управлять. Так будет и с тобой. Жаль, что мы упустили столько времени, но теперь придется все наверстать. У нас отличные специалисты, мы тебе поможем.

Я нервно хмыкнула и облизнула пересохшие губы.

– Что такое? – спросила она.

– Говорите, будто я больная.

– Волшебный дар может обернуться и проклятьем, – она склонила голову к плечу, испытующе глядя на меня. – Если не изучить его, не познать, не научиться управлять им. Ты не больная, Василиса. Ты просто не такая, как все.

– Мои родители думали, что я обычная.

Она вежливо улыбнулась и продолжала:

– Второе правило – ты во всем доверяешь нам, своим преподавателям. От нас у тебя нет секретов, ты не пытаешься управлять своим даром самостоятельно. Это понятно?

– Да, – сказала я в третий раз. – Взрывать машины я сама больше не хочу.

– Вот и славно, – похвалила она меня. – И ещё.

– Угу, – заранее согласилась я.

– Если у тебя будут какие-то проблемы – по учебе, с одноклассниками – ты сразу обратишься ко мне, и мы все решим. А теперь пойдем, я отведу тебя в группу, – она встала, поманив меня за собой. – Сейчас как раз лекция по истории волшебства, тебе будет интересно.

«Сильно сомневаюсь», – подумала я и уныло потащилась за ней следом.

Глава 4

Прежде чем стукнуть в дверь аудитории, где проходил урок истории волшебства, Барбара Збыславовна ободряюще мне кивнула.

– Все будет хорошо, Василиса, – сказала она. – Бояться не надо.

А я и в самом деле боялась, хотя за свою жизнь сменила четыре школы. Причем, в прошлом году меня переводили дважды.

Дверь открылась, и я услышала монотонный дребезжащий голос:

– ...основав школу архимагии в Вавилоне, магистр Кидинну первый поставил обучение неофитов на поток. После его смерти школа действовала еще двести лет, пока не была разрушена во время завоеваний Митридата Первого...

– Господин Облачар, разрешите прервать вас, – Барбара Збыславовна вошла в аудиторию. – У меня важное объявление.

Я с присвистом втянула воздух, все еще стоя за порогом. Сейчас я зайду, а там по лавкам сидят голуби, сойки и орлы какие-нибудь. Или еще хлеще...

– Конечно, Барбара Збыславовна, – услужливо задребезжал монотонный голос. – Прошу вас на кафедру.

– Не беспокойтесь, Милян Маркович, я сделаю объявление.

ние отсюда. Уважаемые студенты, – она заговорила четко и с таким позитивом, словно собиралась представить им президента, а не меня, – с сегодняшнего дня в вашей группе появится еще один учащийся. Это девушка, зовут ее Василиса Краснова...

– Василиса Прекрасная? – весело спросил какой-то парень.

Его поддержал дружный смех, а меня бросило в жар.

– Не перебивайте, Царёв, – нестрого одернула весельчачка Барбара Збыславовна. – Василиса пропустила начало семестра, ей придется догонять вас в учебе, поэтому прошу помогать ей во всем. Василиса, – позвала она меня.

Когда приходишь в новый коллектив, главное – не показать, что боишься. Я зашла в аудиторию, встала рядом с Ягушевской, небрежно сунув руки в карманы джинсов, и огляделась.

Аудитория была сравнительно небольшой, а студентов много. Свободное место было только рядом с лохматым парнем в очках, который сидел за первым столом. Парень был в такой же толстовке, как у меня, и я успела этому обрадоваться, когда один из студентов знакомо хмыкнул:

– Василиса Прекрасная? Это же пацан!

Его опять поддержали смехом, а Ягушевская снова осадилла шутника:

– Царёв, ведите себя как следует. Василиса, садитесь к Борису Анчуткину, на первую парту.

– Не надо, Барбара Збыславовна, – с бесстрашной ухмылкой встрял Царёв.

Я посмотрела на него и сразу узнала – тот самый парень с длинной челкой, который бежал по коридору, перебрасывая огненный мяч. Его соседа я тоже узнала – по длинному узкому лицу и светло-карым глазам.

Надо ли говорить, что оба типчика мне совсем не понравились. Царёв, похоже, мажорчик, всеобщий любимчик и заводила, а этот... с козлиным лицом – его верный подпевала.

– Пусть лучше ко мне сядет, – продолжал Царёв. – Андриуха уступит место даме, – он пихнул плечом в плечо своего соседа. – А то если ее к Анчуткину посадить, как мы их различать будем?

Группа полегла от хохота, и больше всех старались девочки – все, как одна, красотки, одетые, как картиночки, с причёсочками и ноготочками – аж противно! Я надвинула бейсболку поглубже и широким шагом прошла к первой парте, где сидел несчастный Анчуткин – конечно же, всеобщее посмешище. Похоже, в посмешища сразу же записали и меня.

Сняв рюкзак, я поставила его на пол, возле стола, и села, не замечая смешков за спиной. Анчуткин передвинул книги и тетради на свою сторону, молча освобождая для меня место.

– Очень смешно, Царёв, – сказала Барбара Збыславовна совсем другим тоном. – После лекций зайдите ко мне, пожалуйста. Побеседуем насчет взаимного уважения и вежливого

обращения между студентами.

Я оглянулась через плечо. Царёв сразу перестал зубоскалить, а Барбара Збыславовна, еще раз извинившись за прерванное занятие, удалилась.

– Продолжаем дальше, – прудребезжал препод Облачар. – Итак, мы остановились на Митридате... Разрушив первую колдовскую школу, Митридат хотел остановить распространение тайного знания, сделав его обладателями лишь жрецкое сословие. Но ученики магистра Кидинну продолжили его дело. Уже в первом веке до нашей эры была открыта школа друидов на острове Англси...

Я скосила глаза на соседа – он бегло конспектировал за преподам, а у меня не было даже тетради, чтобы записать этот бред про острова и Митридата. Ладно, конспектом можно заняться и потом, на первый раз простят. А пока можно оглядеться.

Преподаватель стоял за кафедрой, и была видна только его голова – круглая, лысоватая. Он не смотрел на группу, монотонно начитывая текст, а группа занималась чем угодно, только не учебой. Ну, не считая пары-тройки зубрил, которые строчили в тетрадках так, что ручки могли задымиться. Мельком я взглянула в сторону Царёва – он шептался о чем-то со своим соседом, и оба поглядывали так пакостно, что можно было не сомневаться – они уже что-то задумали против меня.

Я покосилась на Анчуткина, который слушал препода,

раскрыв рот. Типичный недотепа и неудачник. Хотя и в толстовке.

Звонок затрещал так оглушительно, что я вздрогнула.

Студенты сразу зашевелились, зашумели, а Облачар со стуком захлопнул папку с записями и объявил:

– Через двадцать минут – вторая лента здесь же. Попрошу не опаздывать, – он выбрался из-за кафедры и засеменил к двери.

Он был и в самом деле очень невысокого роста, даже ниже меня, с пухлым животом и кривоватыми ногами. Ни на кого не глядя, он покинул аудиторию, а я приготовилась к настоящей встрече со своими одноклассниками.

Я ждала, что Царёв с дружкой сразу бросятся задира́ть меня, но прошла минута, вторая, а парни так же сидели за столом и о что-то увлеченно чертили на листке, время от времени принимаясь спорить вполголоса. Остальные студенты не обращали на меня внимания – кто-то достал книгу и углубился в чтение, кто-то болтал, заливисто смеясь. Разумеется, ни у одного нет сотового телефона. Я только покривилась.

Заговаривать ни с кем не хотелось, Анчуткин сидел, как чучело – молча и неподвижно, а я залезла в рюкзак, в надежде найти там что-то полезное. Ленка догадалась положить мне блокнот и ручку, и я достала их, чтобы на следующей ленте изобразить видимость учебы.

А если разобраться – на что мне сдались их архимагические школы до нашей эры?!

Я непозволительно расслабилась, и поэтому не заметила, как Царёв с дружкой подошли к переднему столу.

– Ну что? – спросил Царёв. – Корешки закорешились?

Спросил, вроде, дружелюбно, но я сразу угадала насмешку. И промолчала, лениво взглянув на него снизу вверх.

– Они нашли друг друга! – заржал парень с длинным лицом.

Андрей. Я запомнила его имя. Сам на козла похож и имя такое же – «Андре-е-ей», с бляением.

– А почему ты кепку не снимаешь? – продолжал расспрашивать Царёв.

Анчуткин рядом со мной втянул голову в плечи, стараясь казаться как можно незаметнее.

– Не хочу, – ответила я коротко. – Еще вопросы будут?

– Будут, – радостно объявил Царёв.

Аудитория за моей спиной затаилась, и я затылком чувствовала, что все смотрят на нас. И ждут.

– Правда, что ты визжала, когда тебя в печь засовывали? – Царёв смотрел на меня наивными светлыми глазами, но ухмылочка никуда не делась, и только за это надо было врезать ему.

Его подпевала тут же растопырил руки и ноги и заорал тонким голосом, явно передразнивая меня:

– Нет! Нет! Спасите! Помогите! Убийцы!

Кровь бросилась мне в лицо. Я медленно поднялась и оказалась макушкой по ухо Царёву. По физии бить несподруч-

но. А вот между ног...

– Да ладно, что ты, – примирительно сказал Царёв. – Я пошутил. А ты сейчас как будто драться решила! – он сгорбил плечи, выставив кулаки, изображая боксерскую стойку, а потом расхохотался. – Ты точно девчонка, а не пацан? Такая грозная – ух!

– Тупо шутишь, – сказала я.

– Всё, больше не буду, – пообещал он и дружески похлопал меня по плечу.

Я резко отстранилась, и он сразу отступил на шаг, подняв руки, будто сдавался.

– Всё-всё! – заверил он меня. – Теперь даже не смотрю в твою сторону. Смываюсь в ужасе.

Он и в самом деле ушел – вернулся за свой стол.

Смешки среди студентов стали громче и чаще. Я не могла не оглянуться. В самом деле – все смотрели на меня, но тут же отвернулись, словно ничего и не произошло. Я медленно села, не зная – хорошо или плохо, что подраться не удалось. Может, за драку меня бы исключили? Это было бы хорошо. Наверное...

Анчуткин вдруг странно дернулся – и раз, и два, а потом вскочил с каким-то сдавленным писком и принялся скакать по аудитории, хлопая себя по плечам и груди – будто стряхивал кого-то. Я оторопело смотрела на него, не понимая, что происходит, а студенты захохотали так, что стекла в окне зазвенели. Кто-то так ослабел от смеха, что упал грудью на

стол, вытирая слезы на глазах, одна девица хлопала в ладоши, заливаясь, как колокольчик.

– Уберите! Уберите их! – завопил Анчуткин и заскакал еще быстрее.

Я посмотрела на Царёва, ожидая, что он тоже умирает от смеха, но тот сидел с какой-то кривоватой усмешкой и почему-то смотрел на меня, а не на беднягу Анчуткина. Прихлебатель Андрюха тоже выглядел озадаченным и удивленно поднял брови, почесывая макушку.

– Что здесь происходит? – услышала я ледяной голос, а потом раздался слаженный грохот – это студенты побросали тетради, книги, сумки и ручки, и вскочили, как один.

Я тоже поднялась, потому что в аудиторию вошел ректор Кош Невмертич собственной персоной, и вид его не предвещал ничего хорошего.

Несколько секунд он смотрел на завывающего Анчуткина, который метался от кафедры к столу, а потом шагнул вперед и поймал его за шею, сильно встряхнув.

– Остановился, – приказал ректор, и Анчуткин тут же перестал орать и замер, вытаращив глаза. – Иди на место, – велел Невмертич, отпуская его.

Парень, спотыкаясь и поправляя очки, прошел к парте и сел, обхватив лохматую голову. По-моему, он даже всхлипнул, но мне некогда было следить за ним, потому что ректор уже стоял передо мной, внимательно разглядывая меня и едва не приносиваясь.

– Это ваши проделки, Краснова? – спросил он.

– Мои? – глупо переспросила я.

– А это что? – он протянул ко мне руку, и я едва не шарахнулась, но он лишь коснулся моего плеча и показал мне мелко исписанный клочок бумажки, держа его двумя пальцами.

Я вытянула шею, чтобы рассмотреть, что написано на листке, но там были нацарапаны какие-то закорючки.

В отличие от меня, ректор, похоже, сразу понял, что это. Потому что сразу утратил ко мне интерес и обвел взглядом студентов. Стало так тихо, что было слышно, как шуршит листок в пальцах господина Невмертича. Листок вспыхнул синим пламенем и в две секунды осыпался на пол пеплом.

– Кто повесил это на Краснову? – спросил ректор в абсолютной тишине.

У меня шея чесалась оглянуться на Царёва и выдать его с дружкой к чертям собачьим, но это не понадобилось. Ректор очень неприятно усмехнулся и произнес:

– Царёв, Козлов, после лекций – прошу ко мне в кабинет.

Так он еще и Козлов. Я мысленно поздравила себя с тем, что угадала, на кого похож дружок Царёва – Андрюшка.

– Меня уже вызвала Барбара Збыславовна, – быстро, но без особого страха отозвался Царёв. – Сегодня. После лекций.

– Значит, вы уже постарались? – вежливо осведомился Невмертич. – Что ж, тогда зайдете ко мне после того, как побываете у Барбары Збыславовны. Козлов – сразу после лек-

ций. А вы, Краснова, – он повернулся ко мне, и я невольно вытянулась по стойке смирно, – будьте внимательнее. Такие крылышки вам ни к чему, – он еще раз окинул мрачным взглядом всех нас и вышел, едва не столкнувшись с Облачком.

Впрочем, преподаватель вовремя заметил ректора и почтительно уступил ему дорогу.

Мы все провожали Коша Невмертича взглядом. Я смотрела не отрываясь – сегодня он был опять в черном, умопомрачительно элегантном костюме, и в темно-синей рубашке с галстуком на тон темнее. И я снова почувствовала себя неопытной распутехой, и разозлилась – потому что злиться было всяко лучше, чем умирать от щенячьего восторга.

Откуда Козлов узнал, что я плакала, когда меня отправляли в эту самую «печь»? Не ректор ли рассказал – специально, чтобы пустить гадкий слухок?

– Прошу садиться, господа студенты, – продребезжал Облачок, забираясь за кафедру. – Итак, продолжаем. Школа друидов на Англси была разрушена римскими легионерами...

Но мне было вовсе не до легионеров. Я внезапно осознала, насколько сложным окажется пребывание в этом проклятом институте. Если тут даже первокурсники способны на всякие колдовские штучки... Я покосилась на Анчуткина. Тот держал ручку, но не записал в конспект ни полслова. Сидел, уставившись в стол, очки сползли на кончик носа.

– Эй, – тихо окликнула я его. – Ты как?

Он еле заметно кивнул, но даже не повернул головы. Только минут через пятнадцать он встрепенулся и принялся записывать очередной бред про какую-то колдовскую школу в Баальбеке. Звонок, означавший конец ленты, снова заставил меня вздрогнуть. Студенты убирали конспекты и весело переговаривались, обсуждая предстоящий урок. Особенно веселы были девицы, и вскоре я поняла причину, услышав название предмета – «песнопения».

Царёв прошел мимо меня, чуть не задев плечом. Задел бы – если бы я вовремя не отстранилась. По-моему, это разозлило его еще больше, потому что он еле слышно хмыкнул.

– Краснова, – позвал меня Облачар, приподнимаясь на цыпочки, чтобы увидеть меня из-за кафедры, – подойдите.

Я подошла, забросив рюкзак на плечо.

– Вы уже получили учебники? – спросил препод, подслеповато щуря глаза на меня.

Я отрицательно покачала головой.

– Вам надо получить всю историю по списку, – сказал он деловито. – Вы сильно отстали, поэтому к субботе должны самостоятельно изучить пять параграфов из «Всемирной истории магических школ» и пять параграфов из «Всемирной истории волшебства»...

Мне казалось, что я участвую в каком-то спектакле. Какое волшебство? Какие магические школы? Двадцать первый век на дворе! Нанотехнологии похлеще любого волшеб-

ства!

– В субботу придете после лекций, я протестирую вас, – дребезжал Облачар так же монотонно, как читал лекции. – Кроме того, возьмите у старосты задание на неделю. В следующий понедельник будет зачетная работа по древнему миру, постарайтесь написать ее хотя бы на «удовлетворительно». Большого я от вас пока не жду.

Он так напоминал старенького математика из моей третьей школы, что я покраснела до ушей. Бедный дед бился со мной, чтобы я подтянула алгебру, но для меня это было сложнее, чем ему сесть на шпагат. И вот теперь другой дедок решил проявить участие...

Послушно кивая, я даже не старалась запомнить, что и откуда мне надо изучить. Все это было для меня совсем неважным. Важно другое – я не знала, куда сейчас идти, не знала, где здесь библиотека, столовка или туалет, наконец, где искать Ленку. А дед все бубнил и бубнил, выражая надежду, что мое пребывание в школе будет полезным не только для меня, но и для него, так как каждый студент «Ивы» – это открытие...

Минут через пятнадцать он сжалился и отпустил меня, и я вышла в коридор, чувствуя себя очень паршиво.

И куда теперь?

От стены отлепился Анчуткин и подошел, поправляя на носу сползающие очки. Он явно ждал меня, но я этому совсем не обрадовалась. Первое правило в новой школе – не

води дружбу с аутсайдерами. Лучше быть одной, чем с теми, кого все гнобят.

– Все пошли в музыкальный зал, – сказал он, смешно вытягивая шею, выступающий кадык так и ходил под кожей. – Я подумал, может, ты не знаешь, где это... раз новенькая.

Наверное, он что-то угадал по моему взгляду, потому что втянул голову в плечи, как черепаха.

– Я могу просто идти перед тобой, дорогу показывать, – произнес он виновато. – Если тебе стыдно со мной рядом...

– Не стыдно, – проворчала я недовольно, потому что мне вовсе не понравилось испытывать угрызения совести из-за жалкого очкарика. – Иди рядом, заодно расскажешь, что тут происходит. Потому что я ничего не понимаю.

– Расскажу! – он зашагал рядом со мной и так обрадовался, что мне снова стало совестно. – Ты не обращай внимания на Ваньку Царёва и на вершков. Они идиоты, надо всеми потешаются.

– На кого не обращать? – переспросила я. – Каких вершков?

– «Вершки», – с готовностью пояснил Анчуткин, суетливо указывая мне дорогу. – Это они так себя называют – вроде как они всегда наверху.

– Они?

– Царёв, Козлов... Вся их компания. А остальные – «корешки».

Мы поднимались по бесконечным лестницам, проходили

узкими коридорами, в которых окна были только под потолком – узкие, длинные, я глазела по сторонам, но услышав про «корешков» – резко остановилась.

– «Корешки»? – уточнила я.

Анчуткин кивнул, глядя на меня с глуповатой улыбкой. Сквозь стекла очков его глаза казались маленькими и водянистыми.

– То есть... – я ткнула большим пальцем через плечо, – там, на лекции... «корешки закорешились» – это я сейчас вроде как «корешок»?

Теперь Анчуткин кивнул с сожалением и сочувствием.

Вот только его соплей мне совсем не надо было.

– Значит, «корешок». Ладно, – процедила я сквозь зубы и прикрикнула на Анчуткина: – Чего застыл? Показывай, куда идти.

Мы снова начали бесконечное восхождение, а я расспрашивала:

– А бумажка, которую ректор с меня снял? Это что было?

Заклятье, – вздохнул он. – Царёв по заклЯтиям лучше всех. С ним Кош Невмертич занимается по особой программе.

– Прямо по особой? – спросила я зло. – И что он тебе там наособил, что ты скакал, как сумасшедший?

Анчуткин успехнулся и смущенно пригладил волосы на макушке:

– Сделал так, как будто по мне ползали муравьи – много,

и кусались, как собаки.

– И часто он так развлекается? Ваш «вершок»?

– Ну... часто, – промычал Анчуткин. – Ты с ним не ссорься. А то выкинет какую-нибудь гадость... В этот раз заклятье почему-то на меня перескочило...

– Перескочило? – я опять остановилось. – Так он повесил на *меня* бумажку, и это *я* должна была быть в муравьях?

Ответом мне был виноватый взгляд Анчуткина, и это окончательно меня добило. Значит, если бы не этот недотепа (по каким там причинам – не известно), это *я* бы скакала перед всей группой, как дурная коза. И перед ректором тоже... Перед ректором. Именно это показалось мне самым обидным.

– Только ты с ним не ругайся, – поторопился предостеречь меня Анчуткин. – Его отец – глава попечительского совета «Ивы». Царёв нажалуется – и тебя могут отчислить. Вершки это знают, и пользуются. Знают, что мы в любом случае будем молчать и не пожалуемся.

– И пусть отчисляют, – отрезала я.

Анчуткин как-то странно посмотрел вверх очков, и меня разозлил этот непонятный взгляд.

– Чего опять застыл? – сказала я грубо. – Мы дойдем сегодня до ваших песнопений или нет?

Пока мы шли закоулками института, Анчуткин успел многое мне рассказать. «Вершки» и в самом деле были мажорчиками. Почти у всех родители были выпускниками

«Ивы» и теперь занимали какие-то суперважные посты, чуть ли не в ставке Президента. Они обучались платно, и, если верить Анчуткину, плата была очень приличной. Зато «корешки» обучались за счет институтского бюджета – их набирал по всей стране лично ректор. Успешным студентам-«корешкам» даже выплачивали стипендию и они жили в «Иве» постоянно, как в интернате.

– Кош Невмертич меня в Нерюнгри нашел, – похвастался Анчуткин. – Я как узнал, сразу не поверил. Это огромная удача – попасть в «Иву». Хотя и страшно тоже, но...

– Подожди, – перебила я его. – Получается, мажоры учатся платно, а ты – бесплатно? Выходит, у них и талантов-то особых нет, а у тебя есть?

Анчуткин поправил очки и поскреб затылок:

– Нет, не так. По сути, мы все учимся на деньги родителей «вершков» – деньги выделяет попечительский совет. Просто не так много людей с волшебными силами, вот нас и добирают, где только можно. Если нет денег учиться в «Иве» – молись, чтобы тебя не выкинул попечительский совет.

– С чего это молиться? – фыркнула я. – Да я мечтаю вылететь отсюда. Не видела места глупее и бесполезнее, чем ваша «Ива». Чему тут могут научить? Муравьев насылать? – тут я покривила душой. Насылать муравьев – очень даже заманчиво. Умей я делать это года два назад – кому-то очень бы не поздоровилось. Может, моих семи процентов хватит на такое заклинание?..

– Если вылетишь отсюда, – сказал вдруг Анчуткин медленно и таким таинственным тоном – будто рассказывал страшную сказку, – то за тобой сразу приставят особистов. Проколешься – и глазом не успеешь моргнуть, как окажешься в Особой тюрьме. Навсегда. Даже не до смерти. До конца веков.

– Что? – я вытаращилась на него, но он был абсолютно серьезен. – Да что вы все заладили про эту тюрьму? – спросила я с вызовом. – За что меня сажать? Я еще несовершеннолетняя!

– Абигейл Уильямс было тринадцать, когда ее определили в Особую тюрьму. Она там уже почти четыреста лет.

Если он рассчитывал напугать меня, то ошибался.

– Я не знаю, кто такая твоя Абигейл, – произнесла я с вызовом.

– Да, мы это еще не проходили, – смущенно признал Анчуткин. – Это будет в следующем полугодии, когда начнем проходить процесс Салемских ведьм, но в учебнике это написано, на сто двадцать первой странице. Она устроила в Салеме в 1662 году настоящий переполох, из-за нее казнили уймищу невиновных людей, ее поймали маги из Южного ковена и заперли в Особую тюрьму.

– Какого ковена?!

– Южного... – совсем растерялся Анчуткин. – Она не могла контролировать свою силу, и ее изолировали. Ты же не хочешь, чтобы это случилось с тобой... Тут болтают, что ты

подожгла машину ректора одним взглядом.

Я замолчала, кусая губы, и не зная, что ему ответить.

– А у тебя сколько процентов по волшебной силе? – спросил Анчуткин. Наверное, под шестьдесят? Хотя, нет, – спохватился он. – Поджечь взглядом – это не меньше семидесяти будет...

– Семь, – сказала я громко и отчетливо.

– Ну вот, я же говорил – семьдесят, – с готовностью подержал он.

– Семь, – повторила я. – У меня всего семь процентов. Я – особь класса «Цэ».

Лицо Анчуткина вытянулось, и на мгновение он стал ужасно похож на Козлова.

– К-как – семь?! – прошептал он, потрясенно. – Шутишь, наверное?

– Вообще не шучу, – я решительно поправила бейсболку. – Когда мы дойдем уже? Ты как будто нарочно длинным путем ведешь.

– Почти пришли, – Анчуткин покраснел, как рак. – Только не ругайся с Царёвым...

Мы спустились по узкой лесенке, прошли боком через такую же узкую дверь и оказались в просторном коридоре, перед неплотно прикрытой дверью, из-за которой доносилась странная переливчатая музыка.

Разговор с Анчуткиным не прибавил мне позитива. Черте что тут происходит. Садят в тюрьмы малолеток. И за что?!

Какие поджоги взглядом? Я и не смотрела на эту проклятую машину!

Мы не успели войти в аудиторию, потому что путь нам преградила бойкая девица, очень непохожая на остальных студенток «Ивы». Она была в спортивном костюме, без макияжа, и волосы у нее были стянуты в затылок так же, как и у меня.

– Ты – новенькая? – спросила она требовательно. – Краснова? – тут она взглянула в блокнотик, который держала в руке. – Василиса, правильно?

– Да, – ответила я, готовясь к какой-нибудь новой каверзе.

– Я с третьего курса, Алёна Козлова, – свое имя она произнесла быстро и невнятно, уткнувшись в блокнот, – я занимаюсь подготовкой выступления к выпускному соревнованию с приматами. Ты будешь участвовать? – она требовательно выпятила подбородок, посмотрев на меня светло-кариими глазами.

– То есть я еще и примат... – сказала я с угрозой, снимая рюкзак с плеча.

– Она не знает, кто такие приматы! – встрял Анчуткин.

– Не знает? – Алёна-с-третьего-курса вскинула брови.

– Приматы – это те, кто учится в Институте Прикладной Магии, – объяснил мне Анчуткин. – Сокращенно они называются «ПриМа», и мы зовем их «приматы», – он хихикнул, но под суровым взглядом третьекурсницы продолжил: – У нас с ними постоянно соревнования, а в конце учебного года

– финальные показательные выступления. Ты будешь участвовать?

Я немного остыла и успокоилась. Соревнования – это было интересно. И это было понятно. И даже круто.

– А что надо делать? – спросила я небрежно, чтобы эта Алёна не подумала, что я страх как хочу выступить против этих «приматов».

– Вопрос в том, что ты можешь показать, – деловито и напористо заявила Алёна. – Что умеешь?

– Танцевать.

– Танцевать? – пожалуй, это озадачило ее еще больше, чем то, что мне не было известно о «приматах».

Я сняла рюкзак и положила его у стены, и туда же швырнула бейсболку, а потом без разминки сделала прыжок назад через голову, даже не оперевшись об пол рукой. Когда я встала на ноги, Анчуткин смотрел на меня, как на настоящее чудо, и даже его восхищение было приятно. Вот только на девуцу это особого впечатления не произвело.

– А что умеешь магического? – спросила она строго. – В чем сильна? Иллюзия? Массовый гипноз? Левитация? Что сможешь показать?

– Ничего такого не умею, – призналась я, почувствовав себя неудачницей еще почище Анчуткина.

– Жаль, – Алёна поджала губы. – Ну что ж, все равно приходи... как время будет. Попробуем использовать тебя где-нибудь в подтанцовке.

Она сделала пометку в блокноте и умчалась по коридору бодрой трусцой.

– Слушай, ты так здорово вот это вот сделала... – Анчуткин покрутил руками, изображая в воздухе какие-то кривые окружности.

Я молча подобрала бейсболку и рюкзак и пошла в аудиторию, откуда продолжала литься серебристая переливчатая музыка.

Глава 5

Ворвавшись в аудиторию, я тут же вписалась в широкую спину Царёва. Он стоял напротив дверей и не повернулся, когда я толкнула его. А ведь я сразу приготовилась дать отпор, если полезет с насмешками.

Но Царёв стоял столбом, а рядом с ним застыл Козлов, глядя куда-то перед собой. И остальные студенты из моей группы замерли у входа.

Осторожно выглянув из-за Царёва, я увидела странную и очаровывающую картину – перед нами, на ступеньке, ведущей на кафедру, сидел тот самый синеглазый красавец, которого мы с Ленкой встретили на проходной «Ивы», и играл на гусях. Гусли я видела только в далеком детстве – в советских фильмах про Иванушек и Алёнушек, но там были какие-то другие гусли, потому что те мелодии я не могла вспомнить – хоть убей! – а эта...

Что-то невероятно знакомое, сказочное, отчего сердцу становилось тесно в груди, и одновременно хотелось взмахнуть руками и полететь в танце. Именно полететь, а не прыгать через голову.

А синеглазый (я напрочь позабыла его имя) играл именно так, как летел – опустив ресницы, склоняясь над гуслиями с такой любовью, словно собирался зацеловать их до смерти, словно касался не струн, а... своей подруги.

Его игре вторила другая музыка – нежная, приглушенная, как низкий женский голос. Я выглянула с другой стороны от Царёва и увидела знакомую девицу – черноволосую, в мини-юбке, у которой нашлась «запретка» в причёске. Она стояла поодаль и наигрывала на двух дудках одновременно, умудряясь выводить свою мелодию, которая удивительно гармонично вплеталась в серебряный перезвон гусель.

Анчуткин, в свою очередь, налетел на меня, и я тоже не оглянулась, потому что эти двое музыкантов приковывали все внимание. Но в то же время я осознавала, что слушаю музыку как-то иначе, чем остальные.

– Они их заморозили, – тихо сказал мне Анчуткин. Он поправил очки и удовлетворенно кивнул, оглядывая студентов: – Чистая работа. Вот так бы экзамены сдать...

– Заморозили? – я завертела головой, но одноклассники и правда не шевелились, хотя дышали, и моргали.

Я осторожно толкнула Царёва в плечо, но он дернулся под моей рукой, показывая, что не желает, чтобы ему мешали.

– Бесплезно, – шепнул Анчуткин, – пока Слободан играть не перестанет, так и будут стоять.

– А мы почему?.. – только и смогла выдавить я. – Ты почему не зачаровался?

– Так нет музыкального слуха, – признался он. – Я еще с детского сада даже «В лесу родилась ёлочка» нормально спеть не мог. На меня не действует.

– А я?.. – начала я и замолчала.

У меня тоже нет слуха?! Да ладно! Допустим, петь я тоже не умею, но слух-то есть! Я танцую!

Это был еще один удар по моему самолюбию. Хотя чему тут было завидовать? Глупо стоять и глазеть на корыто со струнами.

Отступив к стене, я скрестила руки на груди и погрузилась в мрачные раздумья. Дурацкая школа. Все не так, как у людей...

«Разве мы люди?» – вспомнились вдруг мне слова Ленки.

Мы – не люди...

А мелодия все звенела – как вода, льющаяся на хрусталь. Другого сравнения я подобрать не могла. И от этой светлой мелодии мне было тошно, как от бутера с прокисшим майонезом. На всех подействовало, только не на меня и Анчуткина. Неужели, я и в самом деле такая бездарь, как говорила Ленка? Позорище... Поэтому меня и прятали родители... А вовсе не потому, что хотели защитить. Какие там тюрьмы? Врет все Анчуткин. Специально придумали, чтобы заставлять этих дурачков слушаться. А я не буду. Не буду – и все.

– Ты куда? – переполошился Анчуткин, когда я решительно направилась к выходу из аудитории. – Уже лента началась! Увидят в коридоре – получишь штраф.

– Плевать, – бросила я, поудобнее перехватывая ремень рюкзака. – Хватит с меня ваших институтов, ваших тюрем и песенок. Я домой.

– Как – домой?.. – он совсем растерялся. – Ты что?!

Я не ответила, и он быстренько обогнал меня и встал на пути. И даже заявил, важно поправляя очки на носу:

– Не пущу!

– Как тебя? – устало спросила я у него.

– Меня – что?..

– Как там тебя зовут?

– Борис... – он смотрел на меня, хлопая глазами, но с дороги не уходил.

– Вот что, Бориска, – я уперла кулак в бедро. – Ты лучше посторонись-ка.

– Что?

Он тупил, и это бесило.

– Вон пошел, – сказала я громко и доходчиво, чтобы понятно стало даже идиотам.

– Василиса, – забормотал он, сообразив, что я серьезно. – Василиса, ты не знаешь, что делаешь...

Он попытался взять меня за руку, чтобы остановить, но я вырвалась и толкнула его в грудь. Не сильно толкнула, но Анчуткин улетел к стене, а я вышла из аудитории и пошла наугад. Если повезет, к вечеру выберусь из этой *тюрьмы*.

Но не успела я сделать и пяти шагов, как мне на плечо легла тяжелая рука. Я обернулась, собираясь наговорить Бориске гадостей, только язык будто приморозило к зубам, потому что оказалось, что держал меня вовсе не Анчуткин, а ректор. И взгляд его не обещал ничего хорошего.

Анчуткин вертелся вокруг него вьюном и причитал:

– Мы больше не будем, Кош Невмертич! Честное слово, не будем! У нас лента... Можно, мы пойдем?

– Вернитесь в аудиторию, Анчуткин, – сказал ректор сквозь зубы, и Бориску как ветром сдуло.

Хлопнула дверь, и в коридоре остались только я и Невмертич. Было тихо, лишь откуда-то издалека лилась хрустальная музыка – как издевка.

– Куда это вы собрались, Краснова? – поинтересовался ректор обманчиво-мягко. – Вы чем-то недовольны, как мне кажется?

Конечно же, разумнее было промолчать, но я смотрела в лицо ректору, прямо в глаза – и понимала, что промолчать не получится. Серебряная музыка что-то сотворила с мной – но совсем на иной лад, чем с остальными студентами. Вместо того, чтобы замереть в восторге, меня так и распирало. И хотелось сотворить что-то, отчего небо и земля перевернутся.

Но силами такой мощи я, конечно же, не обладала. И причина не в злополучных семи процентах...

И сейчас мне оставалось только высказать ректору свои соображения по этому поводу – и пожестче, и с треском вылететь из этого заведения, потому что в их Особые тюрьмы я ничуть не верила. Ничуть!

Но секунда шла за секундой, а я молчала. Ректор продолжал держать меня за плечо, и его ладонь давила на меня, как каменная плита. Только я не делала попытки освободиться. Потому что... нет, не потому что испугалась...

Почему же?

Я облизнула пересохшие губы и поняла – почему. Потому что я – Васька Опасная из сто пятнадцатой квартиры, в бейсболке и мешковатой толстовке. Я – чудила, и в голове у меня ветер. Меня не приняли в хореографическое училище, потому я недостаточно высокая, и родители уже несколько лет каждую встречу начинают с одной фразы: «Василиса, что из тебя вырастет толкового?!». А он... А он – существо совсем другого мира. Видно, что никогда не ел сосисок в булочке, что продают на улицах, заливая «китченезом» – смесью кетчупа и майонеза. Судя по машинам, которые он так быстро меняет, ректор обедает только в самых дорогих ресторанах. В «Вандалах», например, где здание больше смахивает на дворец, а не на общепит. И у него, наверное, очень интересная жизнь – наполненная колдовством, волшебством и всякими чудесными штуками... И всякие там рыжие ехидны трутся вокруг него, как медом намазано.

На Невмертича тоже не подействовала музыка декана с факультета песнопений, но я сильно сомневалась, что дело тут в отсутствии слуха. Мужская рука все крепче сжимала мое плечо, а потом ректор спросил:

– Может, расскажете, что пришлось вам не по душе?

Я опустила глаза, чтобы он не прочитал моих мыслей. Вдруг он читает мысли?.. А мне бы не хотелось, чтобы он узнал о них. Узнал, что я на самом деле думаю о нем.

– Ну же, говорите, Краснова.

– Мне все не по душе, – глухо ответила я. – И ваша школа, и ваши студенты с преподами, и вы сами.

– Институт, – поправил он меня.

– Без разницы.

– И чем же мы так вам не угодили?

– Всем! – ответила я дерзко, пытаюсь разозлиться. – Занимаетесь здесь ерундой! Дешевыми фокусами!.. У меня другие интересы в жизни. «Волшебство!оборотничество!», – я передразнила Ленку, – да плевала я на ваше оборотничество! И на муравьев ваших, и на ваши песенки!.. На все плевала!..

Но моя вспышка не вызвала у ректора особого интереса.

– Да у вас истерика, Краснова, – сказал он будничным голосом. – Понимаю, все это очень трудно принять сразу. Особенно трудно справляться с потоком подобной информации неокрепшему мозгу. Лучше вам пройти в медчасть, там помогут.

– Я не больна! – заголосила я.

– Сейчас начинаю в этом сомневаться, – вежливо заметил он.

– А вы... вы... – я подбирала обидные слова, чтобы бросить ему в лицо, но фантазия, как назло, подвела. – А вы – украли меня! Стащили из-под носа у полиции, как курицу с прилавка!

– И украл бы еще раз! – рыкнул он, и от неожиданности я всхлипнула и дернулась в сторону, но ректор меня удержал. –

И третий бы раз украл, – сказал он тихо, наклоняясь ко мне почти вплотную. – Уволок бы, на плечо забросил и уволок. Неужели ты не понимаешь, что *там* тебе тесно?

– Т-там?.. – переспросила я тоненьким голоском.

– В том, другом мире, – глаза у Невмертича загорелись удивительным, невероятным светом.

Я смотрела ему в глаза – серые, вполне себе обычные, но всё равно невероятные, и чувствовала себя, как одноклассники, слушавшие музыку Слободана. Я была *зачарована*...

– Неужели ты не видишь, что там все для тебя слишком мелко? – ректор резко развернул меня к себе спиной, и я оказалась перед огромным зеркалом, неведь как очутившимся в коридоре. Раньше этого зеркала не было, на сто процентов!

В его глубине отразилась я, а ректора почему-то не было. Я была очень маленькая, и нелепая в своей одежде уличного хулигана. Мне захотелось снять бейсболку и распустить волосы, чтобы хоть так избавиться от иллюзии, что передо мной – пацан из подворотни.

Но Кош Невмертич держал меня за плечи уже двумя руками, и я не могла пошевелиться, как будто меня снова отправляли в «печь» связанную.

– Разве ты не хочешь понять свою силу?

Было странным слышать голос человека, который не отражается в зеркале. Этот голос сковывал мою волю, гипнотизировал, подчинял, и только в глубине сознания билась

какая-то мыслишка, что в зеркалах не отражаются какие-то редкостные гады... то ли покойники, то ли вампиры... Но руки на моих плечах были теплыми – они согревали даже через толстую ткань толстовки, и никак не могли принадлежать покойнику.

– У меня всего семь процентов, – ответила я и снова почувствовала, насколько я жалкая, маленькая, никчемная...

– Не так уж мало, можешь мне поверить, – он наклонился к моему уху, и я, наконец, увидела его отражение – призрачное, смутное, как нахлынувшую полосу черного тумана. – И твоя сила требует выхода. Она рвется наружу, она сметает все на своем пути. Как ты спалила мою машину! Чисто, аккуратно, не каждый с таким справится. Половина студентов после первого года обучения свечку не могут поджечь, а ты еще и умудрилась разнести все на гайки.

– Это не моя вина... – слабо возразила я. – Ваша машина взорвалась из-за огня...

– Там бензобак был полный, под завязку, – хмыкнул ректор. – Само точно бы не взорвалось. Это сделала *ты*. Чем же бедняга «Лексус» так тебе не понравился? Наверное, тем, что я поставил его на газон? Так тогда это я виноват, а не автомобиль. Зачем же было разделяться с ним так жестоко? И почему ты не спалила *меня*? До головешек?

Теперь я видела его в зеркале очень четко – пожалуй, четче, чем себя саму. Наши взгляды в зеркале встретились, и я снова отвела глаза.

Неужели он и правда читает мысли?!

– Я все про тебя узнал, – голос Невмертича опутывал меня, как веревками. – Ты действительно хочешь вернуться? Для чего? Для чего тебе твоя прежняя, бестолковая жизнь? Опять будешь слоняться со своими бездельниками-приятелями, разрисовывать глупыми надписями стены и плясать на машинах...

Все это было больно и обидно слушать. Но разве он не прав? Разве это не глупо – всё, что я делала раньше? Разве это не ребячество? Попытка привлечь внимание к тому, на что никто и смотреть не хочет. Попытка привлечь внимание к себе... Как по-детски...

– Я ожидаю от вас большего, Краснова.

То, что Кош Невмертич опять заговорил официально, на «вы», пробудило меня от колдовского морока.

Вырвавшись, я отбежала на пару шагов, тяжело дыша, как после особо динамичного танца, когда крутишься на голове, а потом вскакиваешь и сразу делаешь двойное сальто.

Зеркало колыхнулось и растворилось в воздухе – будто его и не было, а ректор Невмертич стоял передо мной, заложив руки за спину и глядя с неодобрением.

– Мои друзья – не бездельники, – произнесла я упрямо. – И мы не слоняемся! У нас – общее дело!

– Надеюсь, вы передумаете, – сказал ректор холодно. – И сейчас же вернетесь в аудиторию. Вам надо многое наверстать. Будьте прилежны и... благоразумны. Не уверен, что

вашей свободолобивой натуре понравится камера в Особой тюрьме.

Я попятилась, и он одобрительно кивнул:

– Идите, Краснова. Вам нельзя пропускать занятия, – он по-птичьи склонил голову к плечу, к чему-то прислушиваясь. – Ну вот, ваши товарищи уже пришли в себя. Сейчас начнется лекция, поторопитесь. А господину Будимировичу скажите, что это я задержал вас. Чтобы прочесть вам *специальную* лекцию...

Он сделал полупоклон в мою сторону, повернулся спиной и пошел по коридору. Я смотрела ему вслед, а он оглянулся через несколько шагов, и усмехнулся.

И как усмехнулся! С таким снисхождением!..

Меня прижгло этой усмешкой, как утюгом.

Но в следующее мгновение ректор скрылся за углом, а дверь аудитории приоткрылась и показалась лохматая голова Анчуткина.

– Василиса, – позвал он робко, – ты идешь?

– Лечу, – процедила я сквозь зубы, вскидывая рюкзак на плечо.

Глава 6

Урок песнопений прошел для меня, как во сне – настолько я была под впечатлением от «специальной лекции», которую прочел мне ректор. А может, я и правда была *зачарована?*.. Зачарована ректором?..

Снова и снова я прокручивала в памяти каждое его слово, вспоминала каждый жест, каждый взгляд...

«Украл бы и во второй раз... и в третий... закинул бы на спину и уволок...», – мне казалось, голос господина Невмертича звучит прямо в моей голове – громко, настойчиво, и я снова застывала, глядя в стену, поверх кудрявой головы декана, который что-то там говорил про лады тонкие вибрации.

Я вспоминала то чувство, которое охватило меня, когда ректор взял меня за плечо. Были страх, волнение и... еще что-то, чему я не могла найти объяснения. Но явно не неприязнь. Да, мне не было неприятно... Не было?..

Совсем запутавшись в мыслях и переживаниях, я только на второй ленте немного пришла в себя и начала замечать, что происходит. Надо отдать должное – Слободан Будимирович вел занятия не в пример интереснее, чем историк Облачар. По-крайней мере, студенты слушали внимательно, смеялись, когда Будимирович над чем-то там шутил, а когда спрашивал – все отвечали наперебой, весело перепираясь. Что касается моих одноклассниц – они краснели и бледнели,

стоило красавцу-декану обратить на них свой синий взор, и флиртовали напрапалую. Но я сразу подумала, что шансов у них мало – Будимирович принимал их неприкрытое обожание со снисходительной доброй улыбкой, разговаривал со всеми на «вы» и совершенно никого не выделал.

Наверное, взгляд у меня наконец-то стал осмысленным, потому что преподаватель подошел ко мне и что-то доброжелательно спросил.

Со второго раза, после того, как Анчуткин, с которым мне снова пришлось сидеть за первым столом, ткнул меня локтем в ребра, я поняла, о чем меня спрашивают.

– Вы поете, Василиса? – повторил Слободан Будимирович под громогласный хохот одногруппников.

– Нет, – выдавила я, растерявшись настолько, что зачем-то взяла бейсболку, лежавшую рядом со мной на сиденье, и напялила на голову.

– Она танцует! И здорово! – выпалил Анчуткин.

Теперь уже я ткнула его локтем в ребра.

Снова раздался смех студентов, но не такой дружный, как раньше, а Будимирович посмотрел на меня с любопытством.

– Что ж, – сказал он, – этот талант вполне может вам пригодиться, Краснова, на уроке физического внушения, но не на моем, к сожалению. А сейчас кто объяснит, в чем суть внушения, которое мы с Косынзяновой продемонстрировали вам?.. Кто ответит?.. Так, Царёв был первым. Слушаю.

– Создание высокочастотных волн приходит в соответ-

ствие с импульсами сознания, – бойко заговорил Царёв, и меня передернуло – он не только первый в дурацких шуточках, еще и первый в учебе, похоже, – чем четче вообразишь конечный результат, тем более оглушительным будет воздействие на объект...

Слушая его, Будимирович согласно кивал, а потом ткнул пальцем в сторону Царёва и подмигнул:

– Лучший ответ сегодня! А на практике осилите?

– Легко, – ответил Царёв с таким превосходством, что меня передернуло во второй раз.

Он сбежал по ступеням к кафедре, взял гусли и устроился на полу, поджав одну ногу и вытянув перед собой другую. Бренчащая доска легла ему на колено, и он накиннул на плечо широкий ремень, пробежавшись пальцами по струнам и подкручивая колки.

– На кого будете воздействовать? – спросил декан.

– На новенькую, – тут же ответил Царёв и широко улыбнулся мне.

От этой улыбки меня передернуло в третий раз, и я собралась уже возражать, потому что мне совсем не хотелось быть объектом чьих-то воздействий, но Царёв опередил меня:

– Или ты боишься? – спросил он невинно. – Это не больно, не переживай.

Студенты услужливо захихикали, но дурацкий вызов на «слабо» меня совершенно не пронял.

– Не собираюсь... – начала я сердито, но декан похлопал

меня по плечу.

Он коснулся моего левого плеча – как и ректор, но насколько отличались эти прикосновения. Рука Будимировича была легкой, и почти погладила меня – успокаивая, подбадривая. Никакого сравнения с каменной ладонью Коша Невмергича...

– Не беспокойтесь, Краснова, – сказал декан, – я буду рядом и не допущу никакого произвола. Так, легкое воздействие, чтобы Царёв мог получить высший бал сегодня.

– Я вам что... – с угрозой заговорила я, только в этот самый момент Царёв заиграл.

Я вмиг оглохла от ужаса, представляя, что он может выкинуть, и даже присутствие декана, который встал рядом, не успокаивало. Царёв играл что-то знакомое... Очень знакомое... Но ничего не происходило. Я облегченно перевела дух, глядя, как начинает хмуриться музыкант. Музыка стала громче и резче, и вдруг за нами что-то грохнуло, а студенты ахнули, как один.

Мы с Будимировичем резко оглянулись – как раз, чтобы увидеть, как тощенькая девица со второй парты выскакивает в проход между столами и начинает... исполнять танец маленьких лебедей.

Лицо ее было испуганным, рот кривился в беззвучном крике, глаза метались из стороны в сторону, а тело, послушное музыке, повторяло забавные па – кошачий шаг и плие, идеально выворачивая колени.

– Довольно! – Будимирович шагнул к бедняге танцовщице, схватив ее за руку, и девушка остановилась, озираясь.

– Возвращайтесь на место, Колокольчикова, – мягко велел ей декан и повернулся к Царёву.

Тот перестал играть и выглядел не менее испуганным, чем Колокольчикова, которая вернулась к своему столу на подгибающихся ногах.

– Сдается мне, что с практикой у вас гораздо хуже, чем с теорией, – голос декана был по-прежнему доброжелательным, как будто ничего не случилось. – Весьма похвально исполнение классики на этническом инструменте, но с объектом вы здорово промахнулись. Метили в одну, попали в другую. Что-то прицел у вас сбит, батенька.

Студенты засмеялись, и мне было приятно, что на этот раз смеются не надо мной, над мажорчиком, который при всех сел в лужу.

– Поэтому сегодня ставлю вам «удовлетворительно», – продолжал Будимирович с очаровательной улыбкой. – Поработайте над мысленными образами, пожалуйста. Они у вас получаются недостаточно четкими. Вы так стремились к окончательному результату, что не заметили преграду на пути ваших колдовских волн.

Царёв мрачно освободился от гусельного ремня, встал и положил инструмент на стол, где уже лежала двойная флейта.

Будимирович проводил его насмешливым взглядом, и ко-

гда Царёв сел на свое место, сказал:

– Иван, захотите исправить «тройку», к следующему практическому занятию разучите на гусях первый концерт Чайковского. У вас талант к аранжировке, будет любопытно послушать.

Редкие смешочки пролетели по аудитории, но смеяться студенты больше не осмелились.

– Да, конечно, – произнес Царёв с отвращением.

Звонок обозначил окончание второй пары, и студенты шумно двинулись к выходу.

– Краснова, задержитесь, – позвал меня декан.

– Я тебя подожду, – прошептал Анчуткин, взволнованно блестя глазами, и вместе со всеми вышел за дверь.

Будимирович сел на соседний стол, показывая, что беседа будет носить неформальный характер, и некоторое время рассматривал меня, как диковинную зверюшку.

– Вы – сестра Елены Красновой? – спросил он.

– Угу, – ответила я.

– Ваша сестра – лучшая ученица в институте. Вам это известно?

– Да, конечно, – произнесла я с таким же отвращением, как и Царёв.

– Вам это не по душе?

Я промолчала, и Слободан Будимирович задумчиво постучал кончиками пальцев по столу – как играл на фортепиано.

– Боитесь, что от вас станут требовать слишком много, а вы не справитесь? – предположил он.

– Почему на меня не подействовала магия Царёва? – я не желала отвечать на вопросы декана и поспешила перевести тему. – Он ведь хотел, чтобы это я плясала танец маленьких лебедей!

– Хотел, – согласился преподаватель, – но не учел ваших особенностей, Василиса. За это я поставил ему всего лишь «удовлетворительно». При способностях Царёва он должен был сразу увидеть, что вы невосприимчивы к магии музыкального внушения. Я это понял, как только вы вошли в аудиторию.

– Нет слуха, как у Анчуткина, – сказала я обреченно.

– Не так, – возразил Будимирович. – Слух у вас, несомненно, есть. У вас мелодичный приятный голос. Мне кажется, дело не в этом.

– А... в чём?... – прошептала я, и сердце забилося от предвкушения правды. Сейчас он скажет, что я – нечто особенное, редкое, уникальное, и пусть будут эти семь процентов, если я нечто...

– Вы многое пропустили по моему предмету, – заговорил Слободан Будимирович, словно заворковал, – если бы вы пришли в начале семестра, когда мы изучали введение в искусство песнопений, то знали бы, что не все волшебники одинаково восприимчивы к музыке. Есть простые человеческие факторы, почему ученик не чувствителен к высокока-

стотным волнам – например, нет слуха, как у Бориса Анчуткина. А может, все дело в оборотничестве.

– Оборотничестве?

– Замечено, что птичьи оборотни более восприимчивы к музыке, в то время как земноводные оборотни совершенно не воспринимают музыкальных волн.

Я чуть не свалилась со стула.

– Хотите сказать, что я... что я – земноводное?!

– Ничего не могу утверждать, – сказал он успокаивающе. – Но насколько мне известно, вы из семьи птичьих оборотней. Голубь или сойка... Не волнуйтесь. В «Иве» вам помогут раскрыть свою сущность, отшлифовать таланты. От вас требуются только усердие и послушание. Я бы хотел, чтобы к субботе вы прочитали первые три темы из учебника «Магия песнопений» и подошли ко мне для зачета. Пусть музыка – не ваш конёк, бросать этот предмет я вам настоятельно не рекомендую. Тонкие вибрации пробуждают сущность – я в этом убежден. Поэтому Анчуткин тоже ходит на мои уроки. Позанимаемся до конца года, а там посмотрим, что с вами делать.

Не совсем то, что я ожидала услышать, но разговор окончен – это было понятно. Я пробормотала невнятное «до свидания», подхватила рюкзак и вышла в коридор, где меня ждал Анчуткин.

– Сейчас перерыв, можно в столовку сходить, – начал он бодро, но тут же съехал с этого тона: – но лучше не ходить.

Царёв опять что-нибудь устроит. У меня бутерброды есть. Хочешь?

– Хочу, – сказала я, внезапно осознав, как голодна. – С чем бутеры?

– С курицей! – обрадовался он, похлопав по своей сумке. – Мне бабушка с собой много дала. Пошли в лабораторию? Там чай вскипятить можно.

Он опять повел меня запутанными ходами-выходами и бесконечными лестницами, но уже через пять минут мы добрались до лифта, и Анчуткин нажал цифру «36». Лифт двинулся вверх мягко, почти незаметно, только менялись огоньки на дисплее.

Тридцать шестой этаж напомнил мне научный центр, где ректор с рыжей запикивали меня в «печь» – сводчатые потолки, свет белых ламп...

Анчуткин подвел меня к одной из дверей и набрал на электронном замке код – 1,2,3,4. Дверь бесшумно поплыла в сторону.

– Слишком простой код, – заметила я.

– Так тут ничего секретного. Простая школьная лаборатория. У нас здесь проходят занятия кружка по артефакторике, я – председатель, – он важно поправил очки.

– Артефакторика?

– Изобретение новых артефактов! – Анчуткин так и подпрыгнул. – Все эти золотые яблоки, гусли-самогуды, путеводные клубочки – позавчерашний день! Надо что-то новое,

креативное! Например, негасимая искра! – он метнулся к сейфу, открыл его и извлек оттуда пробирку, в которой прыгал золотисто-оранжевый огонек. – Горит, но не обжигает, – он осторожно вывалил огонек на столешницу, и там сразу же образовалась темная подпалина. – Почти не обжигает, – смущенно признался Анчуткин. – Но я над этим работаю.

Он пристроил над искрой горелку и поставил на горелку металлическую кружку с водой, достал из сумки завернутые в фольгу бутерброды, а из стенного шкафчика – чай в пакетиках, сахар-рафинад и сушки с маком.

Вода закипела в считанные минуты, а столешница прогрела почти насквозь. В последний момент Анчуткин пинцетом передвинул искру на новое место и поставил на горелку вторую кружку.

– Тебе здесь понравится, – болтал он без остановки, сразу видно – нашел свободные уши и присел. – Здесь жутко интересно. Приходи в наш кружок, у нас никто дурацких шуток не устраивает...

– Я уже видела такие искры, – сказала я, проигнорировав его «жутко интересно». – У Царёва с Козловым был мяч, весь в таких искрах.

– Это они у меня стащили пробирку с искрой сегодня утром, – признался Анчуткин и вздохнул: – Идиоты...

Бутерброды оказались удивительно вкусными. Или я была настолько голодна. Мы уничтожили их до последней крошки, а потом выпили по кружке крепкого чая с сахаром и суш-

ками.

Потом Анчуткин показал мне библиотеку, и уборную для девочек, и спортивный зал, и мы едва успели на начало следующей ленты, ввалившись в аудиторию за секунду до преподавателя, а после лекций меня уже поджидала Ленка.

– Как все прошло? – спросила она, заметно нервничая.

– Так себе, – промямлила я, глядя, как Царёв и Козлов, перешептываясь, удаляются по коридору – им ведь предстояло отбывать какое-то там наказание.

– Пойдем, провожу тебя в общежитие, – Ленка дернула плечом. – Идем же! Не хочу тут с тобой без толку стоять!

Я на прощание махнула Анчуткину, который топтался в десяти шагах от нас, не смея подойти, и пошла следом за сестрой.

Комнаты общежития располагались на пятом этаже. Ленка открыла дверь номер «девять» ключом, на котором болтался брелок в виде черного кота с белой грудкой и зелеными глазами, и пропустила меня вперед.

Комната была самой обыкновенной – стол, стулья, кровать, душевая кабинка в смежной комнате, окно выходит на улицу.

– Будешь жить здесь, – сказала сестра, бросая ключ на стол. – С завтрашнего дня начинай догонять по программе. Возьми учебники, начинай читать. Если что-то непонятно – спросишь меня, я объясню.

Мне было о чем расспросить ее, но посмотрев на сестру,

на ее бледное лицо, на то, как она пыталась скрыть тревогу и раздражение под маской деловитости, я передумала.

– Все понятно, – ответила я коротко и сунула рюкзак под кровать.

– Вот и хорошо, – Ленка вздохнула с заметным облегчением. – Ладно, отдыхай. Сходишь на ужин – и обратно. По институту не броди, заблудишься с непривычки. Вот твое расписание, – она выудила из своей сумочки тетрадный листок, где четким почерком были расписаны предметы на всю неделю, – а рядом я записала, что тебе надо принести на лекции. Будь внимательна, пожалуйста. Не ошибись.

– Не ошибусь, – сказала я равнодушно.

– Тогда я пошла, – Ленка неуверенно потопталась у порога. – Вася, если тебе что-то надо – ты скажи, – в голосе ее тоже чувствовалась неуверенность.

– Ничего не надо, – заверила я. – Будет надо – я скажу.

Когда сестра ушла, я достала рюкзак и порылась в нем, отыскивая яблоки – их запах я уловила еще на ленте, когда искала тетрадь.

Яблоки были желтыми с красными полосами, сладкие – будто нагретый мед. Я сразу сгрызла три штуки и до самых сумерек просидела у окна, глядя, как по проспекту едут машины, шагают люди – люди из обыкновенного мира, где мне с этого дня не было места.

Глава 7

Мне было о чем подумать на этой неделе – первой неделе моего обучения в «Иве».

Во-первых, здесь все было странно. Даже не то слово – здесь все было совсем не так. Если бы не Анчуткин, я бы попадала впросак по сто раз на дню, а с ним обходилась всего десятью оплошностями – и то до обеда.

Порой мне казалось, что я попала в мир сумасшедших, как Алиса из известной сказки. Вокруг все всерьез обсуждали оборотничество, полеты на антигравитационных коврах, преимущества хрустальных тарелок перед серебряными... Я старалась помалкивать, чтобы не расписываться полностью в своей тупости, потому что ничего не понимала в подобных разговорах.

Спасибо Анчуткину – он довольно толково объяснял, что оборотни (особенно птичьи) – это элита волшебного мира, и к таким ученикам всегда проявляется повышенное внимание не только со стороны преподавателей, но и со стороны попечительского совета, и Высшего Совета, что антигравитационные коврики – это ценнейшие артефакты, которые изготавливаются на заказ и за бешеные деньги, что хрусталь лучше позволяет заглянуть в будущее, поэтому те студенты, у которых имеются таланты ясновидения, предпочитают заказывать хрустальные тарелки для гадания из Тибета, а не

покупать серебряную посуду, пусть даже серебро будет без примесей, наивысшего качества.

Одногруппники не проявляли ко мне слишком большого внимания, и даже Царёв после происшествия с гуслиями при- смирел. Правда, на лекции по законам волшебного мира он обозвал меня «деревянной», и Анчуткин шепотом расска- зал мне, что деревянными презрительно называют тех, у ко- го волшебный талант никак не проявляется. Есть такие неве- зунчики, у которых магия не просыпается, даже если при- сутствует неплохое процентное ее количество.

Я злилась, но возразить Царёву было нечего. Я и в самом деле была на всех уроках «деревянной» – когда у остальных по простенькому стихотворному заклинанию книги начина- ли открываться на нужной странице, я бестолково повторя- ла одну и ту же фразу, с отчаянием глядя на неподвижную книгу, которая даже не думала трепыхнуть страницами. Ко- гда у остальных по хлопку серебряные ложки сами залетали в руки, я отбивала ладони, но ни одна даже самая маленькая десертная ложечка не двигалась с места. И даже на занят- ях артефакторики, где блистал Анчуткин, я никак не могла спаять из двух скрепок и иголки чудесный прибор, который всегда указывал бы острием на север, хотя у других студен- тов все выходило на раз-два.

Особый позор я пережила на занятиях по ясновидению, когда после длинной и нудной лекции преподаватель попро- сила нас достать серебряные блюдца и прокатить по ним яб-

локо, чтобы увидеть того, кого загадаешь, а я смогла достать только огрызок, потому что тайком съела все яблоки, спрятавшись на самом верху аудитории.

Царёв потешался надо мной минут пятнадцать, пока я не швырнула ему огрызком в затылок. Конечно же, преподаватель это заметила и назначила мне в качестве штрафа выучить десять параграфов к субботе.

Анчуткин ссудил яблоко, но и в ясновидении меня постигла неудача – сколько я ни катала яблоко по серебру, я не смогла увидеть ни Бантика, ни Милану, ни кого-то из своих друзей. Последней я загадала на бабулю, но тут прозвенел звонок и нам предстояло отправиться на занятия по физическому внушению.

Слободан Будимирович говорил, что тут мне пригодится умение танцевать, и я загорелась показать, на что я способна (ведь должен быть у меня талант хоть к чему-то?!), но на этом занятии никаких магических штук нам не объясняли и не показывали. Бодрый седой дядька с громогласным басом, как у бешеного слона, гонял нас по спортзалу около тридцати минут, а потом заставил девушек качать пресс на время, а парней подтягиваться.

Я посматривала, как студенты «Ивы» болтаются на турнике, как дохлые червяки, и тайком посмеивалась. Только Козлов и Царёв смогли показать класс. Козлов подтянулся двадцать пять раз, а Царёв – тридцать. Причем, сделал это четко, аккуратно, явно красуясь перед девчонками.

– Царёв – отлично, – похвалил седой дядька, делая отметку в блокноте, а потом с сожалением обратился к остальным парням. – Ну что, здыхлики? Кто-нибудь из вас хоть когда-нибудь сможет подтянуться столько?

Я поднялась с мата, и подошла к турнику, поплевав на ладони.

– Чего тебе, Краснова? – тут же нахально встрял Царёв. – Ты перепутала, девочкам – качать пузики, – и он дурашливо ткнул большим пальцем через плечо в сторону студенток, которые попискивали и мухлевали, отсчитывая отжимания через раз.

Турник был высокий – я не достала бы и в прыжке, но прежде, чем преподаватель что-то сказал, я подпрыгнула, ухватившись за вертикальный металлический шест, уперлась носками кроссовок в металлические канаты, по-обезьяньи поднялась повыше и ухватила за поперечную перекладину, повиснув на руках.

Парни захохотали, а девушки забили качать пресс и с любопытством уставились на меня.

– Считайте, – бросила я и начала подтягиваться – быстро, каждый раз кладя подбородок на перекладину.

Кто-то вяло начал считать, но после десяти заметно оживился и счет пошел бодрее, а после двадцати отжимания отсчитывали уже хором, всей группой. Я легко дошла до тридцати, перемахнула на сорок и постаралась дотянуть до пятидесяти. Последние жимы я осилила уже через силу, но на-

градой за усилия было ошарашенное лицо Царёва, когда я спрыгнула на пол и вытерла горящие ладони о штаны.

– Кто сможет больше? – спросила я небрежно и отправилась на маты, в девичью компанию.

– Краснова! Отлично! – прогрохотал на весь спортзал преподаватель и снова принялся распекать парней: – Э! Богатыри дохлые! Вам не совестно перед девчонкой? Как она вас сделала?!

Я оказалась героем дня и была очень этим довольна, хотя мои навыки не были магическими. Но я смогла сделать то, что этим волшебникам и не снилось. Анчуткин смотрел на меня, как на статую позолоченную. Он опять притащил бутерброды, и мы, воспользовавшись хорошей погодой, решили пообедать во дворе института, во внутреннем дворике, где стояла беседка и были высажены несколько елок и сосен. Нас не было видно с улицы, и шум машин слышался далеко, как шум прибоя или шорох осыпающихся камней. Если прищурить глаза, можно вообразить, что ты не в центре города, а в лесу. Тут даже пахло лесом – сыро,пряно и свежо.

К нам подсели остальные «корешки», я уже знала их всех – Маша Колокольчикова (та самая, которая вместо меня заплясала танец маленьких лебедей, зачарованная Царёвым), Света Зайцева (беленькая, пугливая, с чуть косящими глазами), Егор Сметанин (тоже белобрысый, но толстый и рыхлый, как дрожжевой блин). Анчуткин шумно восторгался моим умением прыгать через голову. А Егор смотрел

с неприкрытой завистью и только вздыхал. Я подумала, что ему надо сбросить килограммов пятьдесят, чтобы сделать хотя бы десять отжиманий. Признаться, я не слишком радовалась компании аутсайдеров. Но «корешки» вели себя не в пример спокойнее «вершков», да и сами были поприятнее, чем Царёв и его мажористые дружки.

«Вершки» тоже подтянулись на улицу, ловя последнее октябрьское солнышко. Разумеется, все они кучковались вокруг Царёва, а он сидел на спинке скамейки с таким выражением лица, словно ему отдавили разом обе ноги.

Я уплетала вкусный бутерброд (на этот раз с копченым мясом и салатными листьями, сдобренными майонезом), и слушала восторги Анчуткина вполуха, поэтому первая заметила трех парней и одну девушку, которые подошли к металлической решетке, огораживавшей двор, со стороны улицы. Все четверо были одеты в форменные синие куртки с красными эмблемами на груди «ПМ», и посматривали на нас, словно затевали какую-то каверзу. Так же смотрел на меня Царёв, когда наигрывал на гусях.

– А это кто? – спросила я у Анчуткина, кивнув в сторону синих курток, но он не успел ответить.

Парни и девушка вдруг взялись за руки и закружились – как детки малые, честное слово. Я фыркнула, потому что это было смешно, но в следующее мгновение из круга выметнулось черное облако, столбом поднялось в небо, рассыпая сполохи молний, и стало темно, как во время поздней осен-

ней грозы.

А это и была гроза!

Дождь хлынул стеной – холодный, и капли были, как горошины.

Прикрывая головы, мы рванули в здание, но парни и девушка в синих куртках расцепили руки, и разбежались вдоль изгороди. Стоило им указать на кого-то из нас пальцем, как из тучи тут же вылетала молния и ударяла в землю, в каком-то шаге от нас. Молнии нарочно преграждали нам путь, не давая сбежать.

Колокольчикова визжала, как безумная, метаясь из стороны в сторону, а молнии так и били вокруг нее – синим курткам показался очень забавным ее страх.

Я смахнула с лица налипшие волосы и прижалась к стене, встав под «козырек» крыши. Словно в кошмарном сне я наблюдала, как мечутся первокурсники, пытаясь убежать от непогоды и молний, а один из парней в синей куртке вдруг крикнул, вжавшись лицом между прутьями решетки:

– Ну что, дрова? Не умеете так?!

Колокольчикова совсем обезумела, бегая по кругу и закрывая лицо сгибом локтя. Она орала не переставая, и я подумала, что так она быстрее попадет под молнию, но не двинулась с места, потому что была испугана не меньше, чем Машка. Я впервые видела такое явное и яркое проявление магии. А то, что это была магия – не составляло никаких сомнений!

Четверо в синих куртках бесновались по ту сторону изгороди, а мимо меня промчался Царёв – мокрый до нитки. Он прыгнул на Колокольчикову, повалил ее и подмял под себя, удерживая ее, пока она брыкалась и истошно вопила. Молнии били вокруг, и Царёв ткнул Колокольчикову лицом в землю, сердито крикнув: «Голову береги!».

– Сюда! Сюда! – услышала я вопли, а потом увидела, как Облачар распахнул двери с черного хода и машет рукой, подзывая студентов.

И «вершки», и «корешки» рванули в укрытие все вместе – уже не считаясь, у кого больше талантов, и у кого родители в попечительском совете «Ивы», а у кого – торгуют на Даниловском.

Я тоже хотела бежать, но в этот момент Облачар вдруг обмяк и повалился на землю, широко раскинув руки и ноги. Анчуткин успел перехватить дверь, пропуская студентов, которые бежали, не видя ничего вокруг. Но я не бежала, а продолжала стоять, и поэтому заметила больше, чем остальные – как от тела Облачара отделилось нечто призрачное, колыхаемое дождем, как полоса тумана... Что-то, похожее на туманного волка с желтыми горящими глазами и вздыбленной на загривке шерстью. Волк мягко прыгнул, взлетая над землей, и набросился на тучу, как на стадо овец, подбивая ее, заставляя сжаться.

Четверо за оградой смешались и снова сбежались вместе, схватившись за руки. Но молнии уже не били прицельно, и

Царёв, перемазанный грязью до ушей, поволок к входу в здание института плачущую Колокольчикову.

Я осталась во дворе одна, если не считать призрачного волка, сгоняющего тучи, и перепугалась еще больше, чем когда вокруг были суматоха и беготня. Отлепившись от стены, я затрусилась к двери, за которой уже скрылись Анчуткин, Царёв и остальные мои одноклассники. Тело Облачара лежало в луже, и дождь вовсю хлестал преподавателя по лицу, сбив очки, я задержалась, гадая – жив он или нет. Что-то блеснуло совсем рядом, и на расстоянии пары шагов от меня заплясал огненный шар, очень похожий на баскетбольный мяч в искрах, которым забавлялись Царёв и Козлов. Но этот шар был другим – он висел в воздухе, чуть подрагивая, и словно крадучись приближался ко мне. Из него вырывались оранжевые завитки – как хвостики, и они тоже подрагивали, будто в нетерпении.

Шаровая молния!..

Я застыла, боясь пошевелиться. Где-то я слышала, что шаровые молнии могут среагировать на движение и взорваться... или ударить того, кто двинется...

Огненный шар подплыл еще ближе и с шипением рассыпал искрами, которые не гасил даже дождь.

Что же мне делать?..

Ужасно хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть опасности, но я прекрасно понимала, что это не поможет. Опасность никуда не денется, и закрыть глаза – это не выход...

Тяжелая рука легла мне на плечо, и раздался голос ректора:

– Никаких резких движений. Не шевелись.

Глава 8

Не шевелись! Я не осмеливалась не то что кивнуть в знак того, что всё поняла, но даже дышать.

Ректор сделал шаг вперед, закрывая меня собой, а потом протянул правую руку к светящемуся шару – очень медленно, подставляя ладонь, словно ловил яблоко, падающее с ветки.

И шаровая молния спустилась в его руку доверчивым котенком. Мне показалось, она даже потерлась о его ладонь, распушившись искрами.

Это было удивительное зрелище – Кош Невмертич держит в руке молнию. Его горбоносое лицо осветилось снизу желтым неровным светом, еще больше заострив черты, и он показался мне древним, как всамделишный Кощей. А сколько ему лет, интересно?..

Он сказал, чтобы я не двигалась, и я старалась даже не дышать. Дождь поутих, ректор поднял руку повыше и легко подкинул молнию – как баскетбольный мяч на подаче. Огненный шар поплыл вверх, а ректор не опускал руку, будто прощально помахивая молнии вслед.

Когда она поравнялась с десятым этажом, превратившись в сияющий клубочек с хвостом-ниточкой, Невмертич вдруг резко взмахнул рукой, сжимая пальцы в кулак. Раздался приглушенный хлопок, меня на секунду ослепила вспышка, а

когда я проморгалась – молния исчезла.

Ректор снова повел рукой, и небо прояснилось, тучи разошлись, и дождь совсем прекратился.

Призрачный волк спикировал на грудь Облачару и так махнул хвостом, что меня отнесло к стене воздушной волной. Волк исчез, а Облачар пошевелился и приподнялся, кряхтя и охая.

– Живой? – спросил Кош Невмертич.

Я заметила, что он берег правую руку – держал на весу, выпрямив пальцы.

– Живой, – охнул Облачар, вставая на ноги. – Вот сопляки! Устроили переполох... Вам руку не сильно обожгло?

– Терпимо, – коротко ответил ректор и строго посмотрел на меня. – Краснова, вы почему все еще здесь? Быстро в медчасть!

Я сорвалась с места пулей, но, закрывая дверь за собой, помедлила.

– Один вон там в кустах засел, – сказал Облачар, морщась и потирая шею.

– В кустах? – ректор повернулся к зарослям бузины вдоль изгороди и позвал: – Пожалуйста к нам, молодой человек. побыстрее, побыстрее...

Кусты зашевелились, и оттуда выбрался растрепанный парень в синей форменной куртке с красной эмблемой на груди.

– Вот, значит, чему учат в «Прикладной магии»? – спро-

сил Невмертич ровно. – Что ж, думаю, ваши родители будут в восторге, что вы так хорошо овладели грозовым заклинанием. Пройдемте со мной.

Он кивнул в сторону ворот и пошел первым, а парень потянулся за ним, странно дергаясь, как будто его тащили на невидимой веревке, а он этому изо всех сил сопротивлялся.

Облачар шумно встряхнулся – совсем, как собака и заворчал вполголоса про сопляков, испортивших хороший костюм. Я неслышно закрыла дверь, сделала шаг назад и налетела на Анчуткина, который все это время стоял за мной и видел и слышал то же самое, что я. Глаза его блестели даже в полутьме коридора.

– Потрясающе! – прошептал он, глядя невидящими глазами. – Держать шаровую молнию на ладони – вот это сила! Наверное, это второе заклинание Громобоя... Как же он его применяет? Как?! – он уставился на меня и сейчас очень походил на сумасшедшего ученого из мультфильма.

Но меня больше волновало другое.

– Куда он повел его? – спросила я. – В Особую тюрьму?

– Нет, – протянул Анчуткин, с трудом возвращаясь в реальную жизнь (хотя можно ли было назвать жизнь в «Иве» реальной?). – Для начала – в комитет магических разборок. Влетит пацану. Родителей вызовут, в личное дело нарушение внесут... Если еще пару раз такое повторит – там можно будет и про Особую тюрьму вопрос поднять, ведь волшебство ради баловства запрещено... Но в этот раз «приматы» и в

самом деле слишком заигрались.

– Это были «приматы»?

– Ты же видела их куртки, – хмыкнул Анчуткин. – Вообще ничего не боятся, даже в форме пришли...

– Они называли нас «дровами», – вспомнила я.

– Ну да, они нас так называют – мол, мы все деревянные, раз в «Иве» обучаемся. Дрова.

– Но «Ива» – элитный институт... – я уже ничего не понимала.

– Элитный, – подтвердил Анчуткин. – Но не всем нравятся методы Коша Невмертича. В «ПриМе» больший упор делают именно на прикладную магию – ту, что можно использовать в быту. Например, они не изучают песнопения, потому что Морелли считает, что это никому не нужно – магия тонких вибраций. Есть гипноз, есть внушение, а музыка – это слишком узкая специальность, ею не каждый может овладеть. В нашей группе только Царёв и может... – он немного смутился, – ну, влиять музыкой... ты видела.

– То есть песнопения мы изучаем только ради Царёва? – процедила я сквозь зубы. – Чудесненько. А кто такой Морелли?

Мы поднимались по лестнице – мокрые насквозь, перепачканные грязью, но я почти не замечала этого, так мне хотелось разузнать побольше про то, что произошло.

– Кто такая, – поправил меня Анчуткин. – Ректор «ПриМы» – Марина Морелли. Она считает, что магией может

овладеть каждый, при определенном усердии, и талант для этого вовсе не обязателен. А наш ректор считает, что главное – талант, – тут он ухмыльнулся так самодовольно, что я резко остановилась.

– А что ты ухмыляешься? – поинтересовалась я подозрительно. – Ты считаешь, это правильно? Про талант?

– Как же иначе? – он изумился так искренно, что я сморгнула, желая убедиться – настоящий ли Анчуткин стоял передо мной. – Талант – это главное. У кого нет таланта, тот не должен даже замахиваться на магию. Ты же видишь, что может получиться...

– Постой, – перебила я его. – А ты, значит, считаешь себя суперталантливым? У тебя сколько процентов волшебных сил? Десять? Пять?

Он смутился, снял очки, протер их краем мокрой толстовки, а потом опять напялил на нос.

– Вообще-то, у меня восемьдесят три процента, – сказал он добродушно.

– Класс «А»?.. – выдохнула я.

– Класс «А», – подтвердил он. – Но если честно, я в это не верю. И никто из нашей группы не верит. Но Кош Невмертич настаивает, чтобы я обучался по индивидуальной программе, поэтому меня сразу допустили в лабораторию и... и еще кое-куда.

Мне понадобилось время, чтобы прийти в себя.

– И при классе «А» ты болтаешься среди «корешков»? –

уточнила я, хотя и так все было понятно. Анчуткин был дважды неудачником – недотепой, который позволил собой помыкать «вершками», и обладателем высокого процента волшебной силы, которая никак пока себя не проявляла. И при всем при этом оказался снобом почище ректора, а это уже меняло мое к нему отношение. Очень нехорошо меняло. – Ну ты и балда, – сказала я и побежала вверх по лестнице.

– Василиса! – переполошился Анчуткин. – Ты обиделась? Но я тебе говорю, что никто не верит, что у меня восемьдесят три...

– Да пошел ты! – ответила я в сердцах.

Но пойти пришлось мне – в медчасть. Там нас осмотрели, переодели в сухое, и дали час, чтобы прийти в себя и выпить горячего чая с медом. У некоторых студентов были ожоги – небольшие, как у Царёва, которому обожгло ногу. Но он с гордостью показывал «вершкам» крохотное красное пятнышко повыше щиколотки и хвастался напропалую, как не испугался «приматов» и геройски спас Колокольчикову.

Все это не добавило мне доброго настроения, и на урок превращений я пришла злая, как собака – только и ждала, чтобы кого-нибудь укусить. Но Анчуткин сник и присмирел, и не допекал меня расспросами и разговорами про талантливую исключительность. Восемьдесят три процента!.. Это же с ума сойти!.. И мои – семь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.